

Туркестан

Автор:

Николай Свечин

Туркестан

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #11

Июнь 1894 года. Алексей Лыков второй год, как в отставке. Теперь он частное лицо, и занимается делами своего имения. Друг и управляющий Ян Титус помогает ему. Вдвоем лесопромышленники выехали в Туркестан. Там ведется масштабное строительство железных дорог, нужны шпалы, а своего леса мало. Есть возможность подписать очень выгодный контракт. Но всем в крае ведают военные, а закупки ведут интенданты Туркестанского военного округа. Они требуют взятки. Лыков с Титусом прибывают в Ташкент, столицу края, и пытаются договориться со взяточниками в погонах. Те заламывают неслыханную цену... Друзья уже собираются домой, не солоно хлебавши, как вдруг оказываются втянуты в кровавые события. Убито несколько русских, в условиях вражды коренного населения к неверным. Местная полиция, составленная из строевых офицеров, бессильна. Бывшие сыщики, вспомнив прежние навыки, начинают свое расследование...

Николай Свечин

Туркестан

Глава 1. По железной дороге

Лыков с Титусом сидели на диване бок о бок. Они были раздеты донага, но замотались в простыни. В купе стояла невыносимая жара, усиленная духотой. Открытое окно не спасало: поезд едва тащился по раскаленной пустыне.

Напротив друзей расположились их попутчики, тоже задрапированные. Один был негоциантом, доверенным[1 - Доверенный – ответственный представитель фирмы, уполномоченный подписывать контракты. (Здесь и далее – примеч. автора.)] Московского торгово-промышленного товарищества. Сутки назад, войдя в вагон, он представился: Степан Антонович Христовславников. И тут же сообщил, что везет с собой крупную сумму для выплаты задатков хлопкоробам. А потому просит принять его в компанию. Так безопаснее в незнакомой местности. Негоциант был упитанный мужчина лет пятидесяти, с редкой бородой и угреватым желтым лицом. Человек он оказался приятный, скромный и молчаливый. Всю дорогу Степан Антонович охотнее всего слушал других, не выпячивая собственную личность.

Второй попутчик появился за пять минут до отправления поезда. Среднего роста, среднего сложения, очень загорелый капитан с аннинским темляком на шашке назвался Иваном Осиповичем Скобеевым. Должность у него была интересная: полицмейстер туземной части Ташкента. Старый служака чуть не всю жизнь провел в Туркестане. Для попутчиков он оказался сущим кладом. Капитан знал все и всех в крае и по любому вопросу мог дать квалифицированную справку. Само собой устроилось, что он возглавил компанию. Хваткий и деловой, что называется себе на уме, Скобеев взял над соотечественниками шефство: опекал, пояснял и помогал. Под его крылом их быт сразу наладился.

Лыков с Титусом купили себе четырехместное купе. Этого потребовал управляющий. Прошлой осенью он впервые съездил в Туркестан и рассказал по возвращении всякие ужасы. Закаспийская железная дорога и без того славится большой неустроенностью и очень низкой провозоспособностью. Но специфика края делает жизнь пассажиров совсем уж тяжелой: вагонов первого класса нет вовсе, а люди попадаются разные. Над Титусом расположился богатый сарт[2 - Сарты – в императорской России: самоназвание оседлого населения Ташкентского, Ферганского и ряда других оазисов.]. Пять раз в день он совершал намаз, а перед этим – тахарат, молитвенное омовение. Ночную и утреннюю молитвы сарт творил, не слезая с полки. Там же и омывался... Грязная вода стекала Титусу на голову и заливала постель, но попутчика это нимало не беспокоило. Возражения и возмущения он просто

игнорировал. Яан обратился к обер-кондуктору, но тот лишь развел руками: ничего не поделаешь, надо терпеть. Все туземцы так поступают. А когда сарт закусывал, то сальные руки вытирал о чрезвычайно грязный и вонючий халат, объедки же кидал на пол. Это длилось три дня, пока состав тащился от Узун-Ады до Самарканда. Впечатленный Титус настоял поэтому, что помещаться в купе надо без соседей. И в этот раз они ехали вдвоем. Пока добровольно не присоединили к себе русских попутчиков...

Уйдя со службы, Алексей занимался теперь делами имения. Дача в Варнавинском уезде давала много хорошего леса. Яан, управляющий и друг, предложил поставлять его в Туркестан. Там шло строительство железных дорог и требовалось много дерева на шпалы. Единственный рельсовый путь лежит сейчас от Каспийского моря до Самарканда. Но в планах Военного министерства продлить его до Ташкента и далее до Верного. И сделать ответвления в Кушку и Коканд. Да еще соединить в обозримом будущем Ташкент с Оренбургом. Золотое дно! Огромная дорогостоящая работа. Своего леса в Туркестане мало, его берегут и не дают использовать. Именно военные управляют краем, им и решать, куда пролягут новые пути. И у кого купить материал на шпалы...

Деликатный вопрос выбора поставщика решается, конечно, в Ташкенте. Генерал-губернатор барон Вревский является одновременно и командующим войсками Туркестанского военного округа. Закаспийская дорога тоже военная. Начальники мастерских и даже станций – офицеры двух туркестанских железнодорожных батальонов, а кондукторы в поездах – солдаты. Строительство отдано гражданским инженерам, но ведется под диктовку интендантского управления. И хотя создана особая дирекция по строительству, ее вопросы – технические. Осенью Титус встретился со всеми участниками концессии и уехал не солоно хлебавши. Важные люди в погонах сказали ему: мы с приказчиками дел не имеем. Пусть явится хозяин и будет готов хорошо заплатить...

Лыков думал всю зиму и весну. Кормить воров ему не хотелось. Но с волками жить – по-волчьи выть. Известно, что в Туркестане без взятки не решается ни один вопрос. Хочешь обеспечить будущее своих детей – покупай входной билет. В итоге в конце мая 1894 года двое приятелей выехали на юг. Поездом добрались до Владикавказа, там пересели в тарантас и перевалили Кавказский хребет, едва не погибнув под сходом снега. Прибыли в Баку и погрузились на пароход общества «Кавказ и Меркурий». Общество это монополизировало доставку желающих попасть на другой берег Каспийского моря. Оно знаменито

наплевательским отношением к пассажирам. Пароходы отправляются через день, удобств на них почти нет, команда грубая, море дикое. Через семнадцать часов плавания друзья сошли на желтый пустынный берег.

Крохотный городок Узун-Ада – ворота в Среднюю Азию. Один шайтан знает, почему строитель Закаспийской дороги генерал Анненков выбрал это место. Неподалеку стоит порт Красноводск, много более удобный для зачина. Но первый костыль забили в Узун-Аде. Отсюда уходят рельсы в самое сердце края. И встретил гостей городок весьма неприветливо. Сначала строгий полицейский чиновник потребовал от вновь прибывших паспорта. Словно от иностранцев... Титус объяснил приятелю, что так принято. Въезд в Туркестан ограничен – главным образом для самовольцев, переселенцев, решивших сменить место жительства без разрешения властей. Затем выяснилось, что пароходы ходят сами по себе, а поезда – сами по себе. И ближайший состав на Самарканд уйдет лишь через двое суток. Алексей с Яном прокляли все на свете, дожидаясь машины. Узун-Ада выстроен в очень хорошей бухте, но само место отвратительное. Город поставили на кочующих песках. Из-за этого все дома подняты на сваях, а вместо крыльца в них высокие лестницы. Входишь, например, в здание почты по земле, а выходишь через полчаса – под тобой аршин пустоты. Пекло, в тени тридцать пять градусов, а спрятаться некуда. Пойти тоже некуда, и негде поесть. Спали горе-путешественники на вокзале, на грязных скамьях и подъедали в грязном буфете несвежие бутерброды. Воды не хватало – ее привозили за пятьсот верст из Асхабада в деревянных баках. Теплая и вонючая, желто-коричневого цвета, она не освежала. С одиннадцати часов утра и до пяти пополудни все замирало и укрывалось в тень. Жизнь как в парилке русской бани...

Наконец пришел новый пароход и привез более сообразительных пассажиров. Тех, кто умел состыковать два расписания, морское и железнодорожное. Уже через час после парохода на станцию подали состав. Лыков впервые увидел вагоны, выкрашенные в белый цвет. Мигом преобразился сонный буфетчик: пароход доставил ему провизию. Алексей с Яном успели съесть по эскалопу и захватили в дорогу сыр с хлебом. Другого ничего не взяли – стухнет на такой жаре. И приготовились мучиться.

Вагон второго класса был полон. Больше всего оказалось туземных купцов, за ними шли офицеры. Хватало и чиновников в мундирных сюртуках. Русское партикулярное платье почти не встречалось. Капитан Скобеев получил место в обществе персов, но разглядел трех русских негоциантов и пересел к ним.

Он представился, выслушал, кого как зовут, и тут же сообщил:

- А я вот за асфальтом ездил!

- За каким еще асфальтом? - удивились соотечественники. - За природным?

- Да. На острове Челекен есть месторождение, и меня послали ознакомиться. Правитель канцелярии генерал-губернатора хочет выложить им в Ташкенте одну улицу. Вызвал и приказал: Иван Осипыч, сгоняй по-быстрому, узнай что почем.

- Это за какие грехи такое наказание? - ахнул Христославников.

- Наказание? - сощурился полицмейстер.

- А разве нет? В самое пекло по пустыне скитаться...

- Вовсе даже не наказание, а наоборот, поощрение!

- Какое же здесь поощрение? - удивился Степан Антонович.

А Лыков подумал секунду и спросил у капитана:

- Прогонны?

- Именно! - обрадовался тот. - Вот вы молодец, сразу догадались. У нас же прогонны до сих пор платят, как на перекладных. А я две трети пути поездом одолею. Билет в оба конца стоит 65 рублей 80 копеек. А от Ташкента до Самарканда и обратно меня сарты доставят. На свой счет. Что получается? Получается экономия! Мне, как чину восьмого класса, полагается три лошади. По две с половиной копейки на версту за каждую лошадь... умножаем... получаем семь с полущкой. За версту. А их по железной дороге 1344, да между Самаркандом и Ташкентом почти 500. На круг выходит 200 рублей профиту! И все законно. Как в армии - безгрешные доходы. А то жалование маленькое, взятки же я не беру. Ну, в смысле, не требую...

Алексей понял бывшего коллегу. Он тоже, когда служил помощником квартального надзирателя, не стеснялся брать от купцов пятерки да трешницы. Люди сами суют – отчего же не взять? Чтобы внимательнее смотрел, служебное рвение проявлял. Сравнение с армией тоже понятно. Безгрешными доходами там называют законный дополнительный заработок ротного (эскадронного, батарейного) командира. Он образуется сам собой, без всяких злоупотреблений. Справочные цены на закупку фуража и провианта в местах стоянки частей всегда спускают из штабов с некоторым запасом. Так принято, чтобы не впасть в убыток. Роты покупают себе, что нужно, чуть дешевле. А в отчете ставят справочную цену. Разница идет командиру, но не только в его карман. В ротном хозяйстве всегда чего-то не хватает. Солдатам не полагается от казны ни постельного белья, ни одеял с подушками. И порядочный капитан улучшает быт подчиненных за собственный кошт. Например, покупает личные и ручные полотенца, или заводит чайную. Кроме того, он ежедневно принимает на квартире своих офицеров, а те не прочь выпить водки. В роту приходят гости. Так что безгрешный доход помогает армейским беднякам сводить концы с концами. В полиции то же самое. Жалование маленькое, обмундироваться и даже вооружаться приходится на собственные средства. Дрова и свечи всегда экономят, поскольку денег на их покупку отпускается недостаточно. А уж на канцелярскую нищету без слез не взглянешь... Так что получил капитан Скобеев дополнительную выгоду, и слава Богу!

– Ага! Тогда расскажите нам, за что вас поощрили! – поддержал разговор Титус.

– Охотно доложу, – обрадовался полицмейстер. – Поощрили меня за то, что я выследил и арестовал знаменитого в Ташкенте вора Мада-сартараша. Два года его ловили в русской части, а поймал я, отвечающий за туземную часть!

– Ловкий был?

– Не то слово! Мад – это сокращение от имени Мухаммед, а сартараш означает «цирюльник». Ну, еще он делает обрезание... Наш герой был обычный туземец, в молодости стриг и брил, да вдруг подался в вору. И открылся у него к этому значительный талант. Чуть не сорок квартир ограбил, прежде чем я его поймал!

– Иван Осипович! – взмолился Христославников. – Просветите нас по этой части! Кому же знать, как не вам? Правду ли говорят, что Ташкент – город воров?

– Правду, – кивнул капитан. – На весь Туркестан мы этим прославились, прости Господи... Так что, когда приедете, держите ушки на макушке. А деньги, что при вас, лучше сразу снесите в банковскую контору, у себя не храните!

Все трое негоциантов переглянулись. Не только Степан Антонович имел при себе значительную сумму. У Лыкова с Титусом было рассовано по карманам десять тысяч рублей – на взятки интендантам.

– А почему так сложилось? – поинтересовался Алексей.

– Специфика, – вздохнул полицмейстер. – С конца мая начинается у нас страшная жара. И все, кто может, бегут из города. Чиновничество переезжает в Чимган, это в восьмидесяти верстах от Ташкента. Там горы, которые сводят жару на нет. Хороший климат, санатория для войск, дачи. Устроено гелиографическое сообщение с Ташкентом. А войска, кроме караульных рот, поголовно уходят в летние лагеря. Вот и получается, что квартиры офицеров и чиновников на три месяца пустеют. Как тут не появиться вора?

– Выходит, у местного населения воровство в крови? – уточнил Титус.

– Не совсем так, – ответил Скобеев. – Конечно, сарты – большие мошенники. Но воруют в Ташкенте все-таки пришлые, не коренные. Тут виноват хлопок.

– Хлопок? – удивился доверенный.

– Он самый. Вокруг Ташкента имеются его обширные поля. А хлопок, следует сказать, требует большого ухода. Сажать его начинают в конце марта – начале апреля. Как посадили – надо два раза окучить. А еще полоть, править борозды, рыхлить землю, прореживать... Одних поливок за весну-лето полагается делать шесть. Когда куст поднимется, он вытеснит все сорняки, но до того ему надо помогать. Еще между кустами подсеивают где мак, а где коноплю, для производства из них дурмана. Занимаются всем этим поденщики-мардикоры, которые сходятся в Ташкент из окрестностей в значительных количествах. Ну, окучили первый раз – не возвращаться же им домой! Заработки на хлопковых работах хорошие, по восемьдесят копеек в день. А между хлопковыми в городе есть только дешевые работы, по двадцать-тридцать копеек. Мардикору горбатиться за них неохота, и он остается ждать. И чтобы прокормить себя, принимается за воровство. Таким образом в Ташкенте

на несколько месяцев скапливается множество пришлых людей. Живут они где попало, в ожидании спроса на свои силы. А рядом – полупустой русский город. Вот и развивается воровство...

– А туземную часть почему не обворовывают, только русскую? – спросил Лыков.

– Правильно интересуетесь, – одобрил полицмейстер. – Сарты ведь тоже на лето переезжают. У каждого исправного туземца есть на краю города собственный надел, вроде дачи. Там сад с огородом, обязательно заходит арык, есть хауз, то есть пруд для купания. Летний домик не из саманной глины, а деревянный, и стоит не в раскаленной улице, а под тенью деревьев на просторе. Прохлада, вода журчит... Но городской дом сарта никогда не бывает пустым. Когда вся семья переехала, в карауле оставляют племянника, бедного родственника или какого приживальщика. Туземный Ташкент разбит на кварталы, называются они махалля. В каждой из них есть штатный сторож. Да и соседи друг друга знают. Незнакомец вызывает подозрения, за ним приглядывают все одномахаллинцы. Украсть не дадут!

– Получается, что воры в Ташкенте – это случайные преступники, пришедшие на заработки, – усомнился Титус. – А зимой все спокойно и жуликов-профессионалистов нет? Трудно поверить в такое!

– Вы правы, Яков Францевич, – ответил Скобеев. – Профессионалисты везде есть, в том числе, конечно, и у нас. Вот хоть тот же Мад-сартараш. Но их много меньше, чем, к примеру, в Одессе. Репутацию города воров создают именно хлопковые поденщики. А зимой в Ташкенте, как везде...

Лыков не удержался и поддел полицмейстера:

– Выходит, Иван Осипович, у вас в туземной части забот меньше, чем в русской?

– Это так. Но потому лишь, что сарты – народ очень скрытный. Все свои вопросы они стараются решать без привлечения властей. Приедете – убедитесь. Они вообще не любят русскую администрацию. Идешь по улице, а с тобой никто не здоровается. Будто и нет тебя вовсе! Ежели не знать местных обычаев, можно и обидеться.

– А если знать?

– Тогда выходит, что обижаться не на что. Туземцы просто боятся, что русский не ответит на их приветствие. А это очень большое оскорбление, и не только для самого сарта.

– Что, вся махалля обидится? – съязвил Титус.

– Нет, берите выше, – серьезно ответил Иван Осипович. – Я сейчас поясню, а вы запомните – пригодится. Словами «ас-салям-алейкум», что означает «мир вам», мусульманин обращается только к единоверцу. Для китаби, что переводится как «имеющие писание» (в число китаби входят и христиане), установлена другая форма. Вам скажут «ас-салям-алейман-ит-табааль-гуда», то есть «мир идущему на истинный путь».

– Впервые слышим! – признались Титус с Христославниковым.

– Вот! – назидательно поднял палец капитан. – Туземцы этого и боятся! Что русские, не знающие обычаев, не дадут им джуабы, то есть ответа на приветствие. Ведь «мир вам» адресовано не только конкретному лицу, но и тем двум ангелам, что есть у каждого мусульманина. Это ангелы-записыватели, которые ведут учет добрым и злым делам человека для Страшного суда. Значит, оскорбление будет нанесено и ангелам тоже, а это уже тяжелый грех. Поэтому нам, русским, в лучшем случае говорят «издрат», то есть «здравствуйте». Но если пройти и потом оглянуться, то можно увидеть, как многие плюют тебе в след. Ничего не поделаешь, приходится терпеть...

Лыков, бывавший на Кавказе, не услышал ничего нового. Магометанские окраины империи, покоренные относительно недавно силой оружия, с трудом терпят русское владычество. Случись что, не в спину плюнут, а голову срежут... Отставной сыщик решил сменить тему.

– Иван Осипович, ведь что-то вы недоговариваете. Правитель канцелярии, второе лицо в крае, вызвал именно вас. Чтобы разведать про асфальт... Хотя между им и вами еще куча начальства. Как это вышло? Вы пользуетесь личным доверием его превосходительства?

– Так и есть, – Скобеев самодовольно покрутил ус. – Действительный статский советник Нестеровский знает меня как ловкого человека. И время от времени

дает личные поручения в обход всех. Константин Александрович доверяет мне щекотливые дела. А все потому... ну, скажу без бахвальства, что я – лучший сыщик в Ташкенте. И не только. Сысского отделения в городе нет. Общая полиция сформирована из военных, которые премудростям ловли жуликов не обучены. А у меня вроде бы как талант. Призвание, что ли. И когда случается что-то эдакое, всегда зовут меня.

Ян незаметно покосился на приятеля и спросил:

– А как ваше прямое начальство относится к знакам внимания сверху? Обыкновенно это не нравится.

Иван Осипович поморщился.

– По-разному. Ташкент – столица не только всего края, но и Аму-Дарьинской области. Областное правление в обществе именуют «помойной ямой». Военный губернатор области генерал-лейтенант Корольков интересуется ботаникой в ущерб своим обязанностям. Из полиции Ташкентского уезда недавно уволился полковник Абграл, так его все называли – Абкрал! И за дело... Начальник Ташкента полковник Тверитинов в должности недавно и пока ничем себя не проявил. Вот до него был человек! Путинцев Степан Романович. Тот был на своем месте. Но его убрали после известного холерного бунта, совершенно незаслуженно... но об этом как-нибудь в другой раз.

Скобеев имел в виду события, происходившие в Ташкенте в 1892 году. Некоторые называли их волнениями, некоторые даже восстанием. Тогда толпа туземцев разгромила канцелярию начальника города. А самого его чуть не порвала на части. Войска стреляли в толпу, были убитые и раненые. Лыков с Титусом хотели бы услышать правду из уст сведущего человека, но капитан замкнулся и явно желал прекратить этот разговор. И приятели отложили расспросы.

Так они и ехали по раскаленной пустыне Кара-Кум. Справа вдалеке тянулись вершины Копетдага, по левую руку лучше было не смотреть... Вагона-ресторана в поезде не полагалось, и приходилось питаться всухомятку. Иван Осипович очень выручал своими наставлениями. Он говорил, например:

– Сейчас будет станция Зерабулак. Там перед зданием вокзала сидит женщина суровой наружности, с усами, как у гренадера. Это вдова кочегара Анна Матвеевна. Она варит очень вкусный борщ. Поезд стоит десять минут. Бегите сразу к ней и постарайтесь успеть. А я тут вещи покараулю.

Или:

– Подъезжаем к Катта-Кургану. У старика с петлицами горного ведомства можете купить печеного картофеля. Больше ничего ни у кого не берите!

Сам капитан при знакомстве первым делом развернул станиоль[З - Станиоль – сплав олова со свинцом, раскатанный в тонкие листы наподобие фольги. Применялся для упаковки продуктов.] и угостил попутчиков очень вкусной дичью. Назвал он ее по-местному: качкалдак. Оказалось, что это морская утка – такие во множестве водятся на каспийском побережье. Неприхотливый полицмейстер обходился хлебом и чаем. Когда ему предлагали водки, он с благодарностью угощался. Несмотря на жару, водка шла хорошо. А без нее впору было бы стреляться...

Лыков выходил на каждой станции и с любопытством осматривался. Особенно его поразили туземцы. Рослые брюнеты могучего сложения, в темных халатах и барашковых шапках, они держались с большим достоинством. Капитан пояснил, что это туркмены рода теке, населяющего Ахал-Текинский оазис.

– Сильный народ! Сарты – нация торговцев, а туркмены – нация воинов. Дали они тут прикурить! Теке всегда жили разбоями. Рвали на части Хиву, Бухару, Персию и даже Афганистан. Хан Хивы в 1855 году решил их проучить. Сдуру... Так они его войско разбили, а самого хана взяли в плен. И зарезали, как барана. Больше уж никто с тех пор не смел их задирать. И мы не хотели! Но пришлось. Когда покорилась нам Хива, наши коммуникации тоже попали под удар туркменов. Волей-неволей армия вынуждена была туда сунуться. В семьдесят девятом генерал Ломакин пошел штурмовать Геок-Тепе – и отступил с большим уроном. Вот такие дела...

– Вы тоже в этом участвовали? – догадался Лыков. – Аннинский темляк за них получили?

Иван Осипович сделался серьезен и даже печален.

– Следующая станция как раз Геок-Тепе. Выйдемте вместе, я все покажу и расскажу. Уж начал забывать... Всегда я там у братской могилы поминаю товарищей. Жаль, что поезд приходит в сумерках и стоит только двадцать минут. Ну, что-нибудь да разглядим. А вы, Алексей Николаич, покамест запомните: с теке можете иметь дело без опаски, это люди слова. А вот приедете к нам в Ташкент, не верьте никому из туземцев! Сарты – торгоши, жулье. Чем бы сарт ни занимался, его мечта – занять лавочку на базаре. Чтобы обманывать народ. Их репутация в Азии стоит крайне низко. Любой купец-сарт в любую минуту может отказаться от своей подписи! А судиться с ними бесполезно. Нашего коммерческого суда в крае пока еще нет, а народный суд всегда покрывает единовеца.

– Народный суд? У вас, как и на Кавказе, судят по адату?[4 - Адат – обычное право, то есть право по туземным обычаям. Применялось в инородческих окраинах империи среди местного населения.]

– Точно так. Правительство оставило мелкие споры в ведении биев[5 - Бий – судья по обычному праву.]. Не вздумайте к ним обращаться! И вообще, прежде чем сделать в Ташкенте что-нибудь важное, спросите сначала у меня.

Вот момент, понял Лыков. И решил задать давно интересовавший его вопрос:

– Иван Осипович! Спасибо за ваши разъяснения, надеюсь, вы и дальше не оставите нас своим попечением. Но... как нам быть с интендантами?

– С какими интендантами?

– Да мы с Яковом Францевичем хотим предложить шпалы для строительства железной дороги. И столкнулись с тем, что этот вопрос решается лишь за взятку.

– И что же вы хотите от меня? – насторожился полицмейстер.

– Совета. Только совета.

Скобеев нахмурился.

– Хотите узнать, можно ли договориться подешевле?

– Да. А лучше чтобы вообще не платить. Честно говоря, с души воротит кормить эту сволочь.

– Эх... И меня воротит. Но сделать ничего нельзя, так устроено в Туркестане. Не смогу я вам здесь помочь, не моего калибра вопрос.

В Геок-Тепе поезд прибыл в десятом часу. Небольшой туземный город был известен всей России. В ноябре 1880 года семитысячный русский отряд под командованием самого Скобелева осадил здесь туркменскую крепость Денгиль. Вся Средняя Азия уже покорилась белому царю, и держался лишь Ахал-Текинский оазис. Вход в него и защищала крепость. На подмогу здешнему гарнизону съехались головорезы со всего разбойничьего племени. В итоге наши атаковали двадцать пять тысяч вражеского войска, да еще спрятанных в укреплении. Осада длилась до января следующего года.

Когда поезд остановился, Иван Осипович подозвал кондуктора и приказал ему охранять вещи. А сам быстрым шагом повел соотечественников в темноту.

Прямо возле станции, под фонарем обнаружилась трофейная артиллерия. Английская медная шестифунтовая пушка была дополнена двумя чугунными зембуреками[6 - Зембурек – туземное вьючное орудие.]. Капитан указал на них:

– Я служил тогда подпоручиком в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. Выстрелом вот из такого зембурака оторвало голову моему денщику. И этой голову...

Скобеев запнулся, потом договорил:

– ...ударил меня в лицо. Минут десять пролежал я без сознания. Очнулся, а за бруствером крики... дикие такие крики, нечеловеческие. И сабельный звон. Это было в ночь на 28 декабря. Страшное получилось дело. Текинцы босиком, с одним лишь холодным оружием пошли на вылазку. Мы их не ждали. Ближайшие траншеи были смяты, а все, кто был там, – вырезаны. Туземцы захватили даже знамя и два орудия. Увели с собой пленного канонира, пытали его несколько дней, требовали, чтобы научил их обращаться с нашими пушками. Канонир отказался, и его замучили до смерти...

– А вы? – глухо спросил Лыков.

– А я, придя в себя, вынул шашку и кинулся вперед. Стыдно было, не знай как! Вдруг товарищи подумают, что струсил? Бегу, а меня мотает, будто пьяного...

– Зарубили кого? – шепотом поинтересовался Христовславников.

– Кого я там мог зарубить? – махнул рукой капитан. – Меня самого тогда можно было голой рукой взять. Ребенок бы поборол. В ушах хоры распевают, иду, не разбирая куда... По счастью, когда прибежал в первую траншею, там все уже кончилось. Но айда дальше, а то не успеем.

Они прошли чуть не на ощупь пятьдесят сажений. Скобеев показал силуэт высокого холма, различимый на фоне неба.

– Вот она, крепость. То, что от нее осталось. А здесь братские могилы. Прямо – мы, туркестанские стрелки. Левее – кавказские. Справа – ставропольские и таманские казаки. Дальше темное пятно – это сады Петрусевича. Названы так в память об убитом в них генерале. Много здесь крови пролито...

И капитан стал креститься, с чувством читая молитву. Остальные последовали его примеру.

Пассажиры торопливо вернулись в вагон, и поезд тут же тронулся. Иван Осипович продолжил свой рассказ:

– Штурм был назначен на 12 января. Моряки заложили мину под крепостную стену. Текинцы об этом знали, от перебежчиков. И не препятствовали. Они думали, взрыв пробьет небольшую брешь, «белые рубахи» туда кинутся. И их удобно будет резать по одному. Никто не предполагал, что обрушится полстены. Ну, рвануло... Мы пошли в пролом. Я был в колонне Куропаткина. Именно нам поручили ворваться в крепость через дыру. Текинцы били из фальконетов своими чудовищными пулями в полфунта весом, били в упор. Страшно... Такая пуля вырывает куски мяса. В животе образуется дыра, через которую видать позвоночный хребет... И ударило меня в руку. Думал – все, оторвало по плечо! Нет, смотрю, пальцы на месте и даже крови нет. Побежал дальше... Это теперь рука у меня по ночам болит, с каждым годом все сильнее

и сильнее. А тогда думал – обошлось. Так что, под Геок-Тепе я не пролил ни капли своей крови. Только две контузии. Когда погода меняется, голова раскалывается. И спать почти не могу, хоть морфий принимай.

Капитан выпил рюмку водки, потер контуженную кисть.

– О чем уж я? О штурме! Да. Вошли мы в крепость, и началась тут страшная резня. Текинцы показали себя героями. Храбрый народ, даже жалко таких убивать! Из дальних ворот побежали прочь защитники, кто пожиже нервами. Но несколько тысяч не дрогнули и остались защищать крепость до последнего. Нам пришлось их всех прикончить. Жаль, ей-богу жаль...

Иван Осипович отвернулся к окну, помолчал, потом через силу закончил рассказ:

– Наших полегло там больше тысячи, из них четыреста человек в день штурма. Текинцев никто не считал. Зато после этой победы всякая резня в Туркестане закончилась. Туземцы поняли: уж если русские побили самих текинцев, деваться некуда. Надо покориться. Так вот. А при штурме Ташкента с его сотысячным населением погибло лишь двадцать пять солдат. Потому – сарты. Есть разница!

Поезд все дальше уезжал на юго-восток. Пески сменилась зелеными полями Ахал-Текинского оазиса, а потом опять пошла сплошная пустыня. Персидские купцы оживились. Они сидели во всех купе и монотонно о чем-то гундосили. Иван Осипович пояснил, что на станции Артык большинство из них сойдет. Там граница с Персией и таможенный пост. В трех верстах от него – персидский город Лютфабад. Поезд стоит три часа, и можно сгонять туда на извозчиках. Но он бы не советовал: жарко и все очень дорого. За самый глупый сувенир торговцы ломают невероятную цену. Попутчики послушали опытного человека, и Лыков так и не попал к персиянам.

Действительно, в Артыке вагон сначала наполовину опустел. Но перед отправлением все места снова оказались заняты, и опять персами. Скобеев и здесь дал справку. Новые пассажиры сойдут в Душаке: там второй таможенный пост и старинный тракт на Мешед. После этой станции останутся два-три перса, у которых торговля в Ташкенте. И в вагоне сразу делается чище.

Так и получилось. Мерлушковые шапки покинули поезд, а вместо них появились киргизские чалмы. Добавилось офицеров, села компания сильно пьющих

инженеров-железнодорожников. Лыков хотел расспросить их про шпалы, но передумал: уж больно угарные. Он задал свой вопрос Ивану Осиповичу. Капитан сказал, что леса в Туркестане не так мало. Больше всего, как ни странно, ореха. Но крепкое красивое дерево на строительство не годится. Из него вырезают наплывы[7 - Наплывы – кап, нарост на дереве, из которого делают красивые поделки и мебель.] и продают в Россию по двадцать рублей за пуд. Большие обороты получаются! Второе по значению туркестанское дерево – фисташка. В Самаркандской области все горы покрыты ею. Плоды фисташки – любимое лакомство туземцев, а древесина немилосердно пережигается на уголь для нужд местных кузнецов. Есть и ель. Она покрывает южные склоны Алатавских гор, и в Аулие-Атинском уезде ее так даже полным-полно. Но власти запрещают добычу из опасений хищнических концессий. Поэтому поставка с Ветлуги той же сосны и лиственницы будет принята хорошо.

– А чем тут топят паровозные топки? – любопытно спросил Титус.

– Где углем, но чаще саксаулом.

– Это дерево такое?

– Вон оно, – ткнул пальцем в окошко Иван Осипович. – По всем пескам растет; как только выживает? Листьев у саксаула почитай что нет, а ствол крепкий. Первое в Туркестане топливо! Вдоль Закаспийской дороги раскиданы склады, куда свозят его в огромных количествах. А уголь добывают в Ходженском уезде, и весь он на корню скупается железной дорогой.

После Дишака рельсы резко повернули на северо-восток. Горы остались в стороне. Серо-желтые пески опять окружили поезд. Наконец к исходу вторых суток они прибыли в Мерв.

Утопающий в зелени город манил уставших от сидячей жизни путников. Негоцианты хотели пройтись по улицам, но всезнающий полицмейстер отсоветовал. Мерв не только столица живописного оазиса, но и главный в Туркестане поставщик малярии. А еще тут есть болезнь паша-хурда, по-русски называемая пендинкой. По всему телу открывается до ста ранок, очень болезненных. Лекарства от них нет, ранки заживают сами через несколько месяцев, оставляя на теле ужасные шрамы. Болезнь поражает всех без разбора. Поэтому в Мерве не редкость встретить русских барышень, дочерей офицеров,

с обезображенными пендинкой лицами... Как им выходить замуж?

Напуганные купцы решили ограничиться вокзальным буфетом, чуть не единственным на линии. Наевшись селянки, Лыков с Титусом размяли затекшие ноги на дебаркадере. Купы тополей манили их, вдали шумел полноводный Мургаб. Потом паровоз дал свисток, и путешествие продолжилось.

Сразу за городом открылась живописная зеленая равнина без конца и края. Это было Мургабское государево имение. Сто тысяч десятин орошаемых земель! Фруктовые сады, поля хлопка и пшеницы, а между ними разбросаны кирпичные домики поселенцев. Рай! Справа мелькнули развалины Старого Мерва. Скобеев сообщил, что по площади он превосходит нынешний город в десятки раз. Кто и когда разрушил его, неизвестно. Приписывают и Тамерлану, и Александру Македонскому, двум любимым персонажам здешней мифологии. Но за станцией Байрам-Али оазис закончился. Пустыня сменила наружность. Огромные барханы в пять саженей высотой напоминали застывший океан. Лишь многочисленные кусты саксаула немного оживляли угрюмый пейзаж.

К Мерву капитан Скобеев окончательно определился со своими попутчиками. Главным он назначил Лыкова, когда выяснил, что тот – потомственный дворянин и отставной надворный советник. Да еще и богатый помещик! Поэтому с Алексеем полицмейстер говорил особенно учтиво и именно ему стал предлагать всякие авантюры.

На последнем месте оказался доверенный. Ивана Осиповича очень насмешили его шелковые подштанники. Напрасно Христославников объяснял, что это лучшее средство от вшей и в дороге надо быть предусмотрительным. Солдатская душа старого туркестанца не приняла шелк, и Степан Антонович сделался объектом острот. Доверенный, как человек незлобивый, кротко их терпел. Ему важно было, что он в русской компании, под надзором опытного знатока края. Портфель с ассигнациями Христославников никогда не выпускал из рук и даже спал, подложив его под голову.

Сложнее всего капитану пришлось с Титусом. Вроде бы все понятно: управляющий при барине. Но говорит ему «ты» и общается, как с равным. Яков умел ладить с людьми, ничего для этого специально не делая. И полицмейстер, присмотревшись повнимательнее – а он был очень наблюдателен, – поставил управляющего вторым. Себя самого туркестанец считал хозяином, обязанность которого – помочь гостям освоиться.

Выстроив иерархию, Скобеев стал донимать Алексея разными проектами. Начал он так:

– Я, конечно, в отставку не собираюсь. Служу с охотой. Но сорок три года уже! И, признаюсь, боюсь нищенской старости. Да. Жалование скромное, пенсия курам на смех. А взятки я не беру.

Лыков сделал сочувственное лицо и молча ждал продолжения.

– И вот думаю я... как бы это, войти в какое предприятие? Здесь, на местном, так сказать, материале. Если бы нашелся человек с капиталами, и притом порядочный. Вот как вы. И задумал бы учредить тут новое дело. Не зная особенностей, добиться успеха ему было бы трудно! А я, как заинтересованный пайщик, тут бы ему и помог. Связями своими, знакомствами в разных отраслях местного управления. И денег бы еще вложил, пять тысяч. Больше пока не скопил. Как вам, Алексей Николаевич, такая мысль?

– Мысль неплохая, но какие именно предприятия вы имеете в виду?

– А это зависит от ваших умственных наклонностей.

– То есть?

– Ну вот, к примеру, можно было бы добывать здесь сантонин.

– Сантонин? – опешил Лыков. – Это глистогонное средство?

– Оно самое, – с важным видом подтвердил капитан. – Наипервейший в мире препарат от глистов. Спрос – на сто лет вперед! Я уж все продумал. Само лекарство фабрикуют в Гамбурге, у германцев. А сырье для него произрастает лишь в двух местах на всем земном шаре. Одно место – в Алжире, во французской колонии. А второе – здесь у нас, в Чимкентском уезде. И больше нет нигде! Каково?

– А что за сырье?

– Дикорастущая полынь особенного сорта. У нее собирают незрелые цветки – обязательно, чтобы были незрелые! – и потом обрабатывают. Из пятидесяти пудов цветков выходит пуд сантонина. Я и процесс изготовления записал. Желаете послушать? – И Скобеев полез в карман.

– Погодите, Иван Осипович. Не думал я пока, признаться, о глистах. Нет ли чего более понятного?

– Зря, Алексей Николаич! Верное дело, это я вам говорю! Начальник Чимкентского уезда подполковник Сухоруков – мой давнишний товарищ. Он поможет.

Лыков только вздохнул.

– Хорошо-с, – миролюбиво продолжил Иван Осипович. – Желаете более понятного? Могу предложить золотодобычу.

– У вас и золото есть?

– Здесь все есть. Туркестан по площади больше, чем Австро-Венгрия, Германия, Франция, Дания и Италия вместе взятые. Представляете себе размер? А живут лишь пять миллионов человек. Золото в россыпях находят в Семиреченской области, по рекам Кетень и Боянкол. Тринадцать долей металла на сто пудов песку! В Сибири на кабинетских приисках бывает и меньше. Еще берут золото в Ферганской долине, на реке Муксу. Отличные россыпи! И чем выше по течению, тем золота больше. Очевидно, что в верховьях, особенно в теснине Саок-Сай, прячется главная жила. В тех местах еще никто не мыл, мы будем первые! Там у меня тоже приятель имеется, в областном правлении не последний человек. А? Интересно? Только скажите, мигом соорудим.

– Но...

– Вам и золото не интересно? Тогда войдите в табаководство!

– А...

– Здешний табак очень хороший! Много лучше кавказского и крымского и не уступает ни в чем турецкому. Землю для посадок найдем. Неподалеку от Ташкента сыщем! Она сейчас стала дорогая, но для общего нашего предприятия я смогу снизить цену. Верное дело! Я уже набросал приблизительные расчеты. Вот, взгляните. – И полицмейстер снова полез в карман.

– Я не курю, – быстро ответил Алексей.

– Не курите? Хорошо. Но жена ваша носит же шелковые платья?

– И... что из этого следует?

– Откройте гренажное заведение! – радостно воскликнул полицмейстер. – Чрезвычайно выгодно! Один золотник грены[8 - Грены – яйца бабочки тутового шелкопряда.] дает два фунта чистого шелка. Грены отличные, вывезены с Корсики. Француз Алоизи основал в Ферганской области фабрику со школой шелководства. Купите у него на первый раз, а дальше пойдет дело! У меня и на это есть расчет. Не угодно взглянуть?

– Иван Осипович! – взмолился Лыков. – А лес на шпалы нельзя продать?

– Вот тут помочь не смогу... Никто меня туда не пустит. Потому – не в капитанском чине соваться в такие обороты.

– Но Яков Францевич говорит обратное! В окружном интендантском управлении лесом занимается какой-то подъесаул по фамилии Кокоткин. Личность вполне ничтожная.

Скобеев усмехнулся:

– Ну вы сказали: какой-то по фамилии Кокоткин! Смотрите, ему так не заявите... Тогда всем вашим планам в Туркестане конец.

– Да ему годков-то сколько?

– Неважно. Здесь играет другое. Во-первых, Кокоткин – внебрачный сын самого Гороховцева. А во-вторых, он доверенное лицо Ларионова.

– Гороховцев – это кто?

– Он, можно сказать, характерный туркестанский типаж. У нас в крае, знаете ли, много диких генералов и действительных статских советников...

– Диких?

– Именно что диких. Кадры для администрации всегда брались с ветру[9 - Взятые с ветру – всякий сброд, случайные люди.]. То, что невозможно у вас в России, здесь обычное дело. Взять, к примеру, Степана Петровича Петрова. Недавно совсем в отставку вышел. Ко всеобщему облегчению... Он выслужил «превосходительство» в интендантском управлении, а кличку имел – Каторжный! Знаете, за что? В молодости Петров служил писарем в штабе Оренбургского военного округа. За подлоги по производству офицеров был разжалован из унтеров в рядовые. И выпорот. Но это не помешало ему затем пролезть в интендантские чиновники и достичь чина четвертого класса. Потомственным дворянином стал! с поротой-то задницей... Нажил дома, земельные участки, капитал. Мошенник, каких свет не видел. Из этого же ряда и Гороховцев. Будучи окружным ветеринаром, он сумел украсть и оформить на себя большой земельный участок. И не где-нибудь на окраине, а в лучшем месте русского Ташкента. Официально дозволялось покупать у казны не более трех тысяч квадратных сажений для постройки дома. А Гороховцев хапнул двадцать пять тысяч! Сейчас посреди города стоит длинный забор. Это его владения! Власти судились с ним, пытались землю вернуть, но дело проиграли. Взял-то он по-умному! Провел сделку через несколько рук, а документы потом уничтожил. По сию пору на этом месте пустырь, а цена того пустыря уже полмиллиона...

– Понятно. А кто такой Ларионов?

– Генерал-лейтенант, начальник окружного интендантского управления. И первый на сегодня в Туркестане вор. Без мешка золота к нему на прием не попасть. Краем управляет Военное министерство, поэтому окружные интенданты делают все закупки. Все: от конских консервов до земельных участков!

– Зачем армии земельные участки? – удивился Алексей. – Хлопок сажать?

– Ну, это я к слову. Армия, конечно, хлопок сажать не будет. Но, например, она строит железную дорогу. Для дороги требуется земля. Само отчуждение земель от туземных обществ производит специальный отдел, что входит в дирекцию строительства. Но команды он получает от тех же окружных интендантов.

– Стало быть, Кокоткина нам никак не объехать?

– Если хотите поставлять сюда лес, то никак. Разве только у вас есть письмо на имя генерал-губернатора. Он известный добряк, никому не отказывает...

У Алексея не было такого письма. В кармане у него лежали рекомендации на имя начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-майора Хорошхина. Они были подписаны полковником Таубе, который учился со штабистом в одной академии. Барон сообщал в них, что знает Лыкова как порядочного человека. Должен же генерал-майор окоротить какого-то там подъесаула! Но говорить о письме постороннему Алексей не хотел и перевел разговор на другое. А полицмейстер понял, что коммерческие проекты его попутчику неинтересны. К чести Ивана Осиповича надо сказать, что он не обиделся. И продолжил опекать новичков столь же доброжелательно.

Между тем поезд уже ехал по землям Бухарского ханства. В вагоне появились узбеки. После станции Барханы местность внезапно переменялась. Даже воздух, что летел в распахнутое окно, сделался влажным и освежающим. Словно кто махнул волшебной палочкой! Появились птицы, всюду шумели рощи и текли полноводные арыки.

– Что это? – спросил у Скобеева Алексей.

– Подъезжаем к Аму-Дарье.

На станции Чарджуй все вышли из вагонов. Подлетели шумные туземцы в русских экипажах и разобрали пассажиров. Колонна двинулась вперед, и Лыков с пригорка вдруг увидел реку. Она поразила его. Куда там Волга! Ручей рядом с Аму-Дарьей! На вид та достигала в ширину трех верст. Сильное течение несло грязную мутную воду. Тут и там по ней сновали барки и паромы, а на пристани застыло несколько больших пароходов. Веселый городок

в пятьсот домов, деревянные тротуары, фонари, магазины и даже рестораны били в глаз. Отвыкшие путники крутили головами, указывая друг другу все новые приметы цивилизации. Лента реки была пересечена пунктиром искусственных островов, они стояли через каждые тридцать саженей. Полуголые рабочие возводили на них опоры будущего моста. Длинный же получится мост! Иван Осипович и тут дал пояснения. Когда закончится весенний паводок, Аму-Дарья войдет в свое обычное русло. Мост закладывают в семьсот пятьдесят саженей. Строить его будут из железа, и еще не один год[10 - Мост через Аму-Дарью открыли в 1901 году.], а пока поезда ходят по деревянному мосту. Стоянка здесь длинная, и можно не только размять ноги, но и пообедать.

Путешественники успели помолиться в часовне и полакомиться на одном из пароходов. Аму-Дарья славится своими осетрами. Буфетчик даже предложил пироги с визигой, а пиво подал в запотевших кружках. Затем четверо русских опять сели в вагон, пересекли реку по низкому, еле живому мосту и покатали дальше на северо-восток.

Вид в окне менялся теперь на каждой станции. После Фараба зелень резко оборвалась и вновь появились пески. Но за Ходжа-Довлетом опять начались квадраты хлопка, разбавленные прямоугольниками клевера. Скобеев пояснил, что поливное земледелие здесь идет из Зеравшана и что настоящей пустыни не будет до самой Бухары.

На станции Кара-Куль Лыков решил прикупить каракуля. Цены поразили его: почти как в Москве. Но появился Иван Осипович и быстро поставил торговшей на место. Алексей взял самые редкие мерлушки – коричневые. Жене на капюшон к зимнему пальто, а дочке на шубку... Полицмейстер поговорил с туземцами на их тарабарском языке и сообщил грустные вещи. Город Кара-Куль, что стоит в двенадцати верстах от станции, умер окончательно. Его завалили подвижные пески. На месте большого оживленного пункта теперь обычный кишлак. И того может скоро не быть...

Наконец прибыли на станцию Новая Бухара. Это оказался целый поселок с населением больше, чем в уездном городе Варнавине. В Старую Бухару отсюда вела особая ветка железной дороги. Почти все восточные купцы вышли, а их место заняли русские торговые люди. Христовславников отправился по вагону выяснять виды на урожай. Вернулся он повеселевший. Все указывало на то, что год будет хороший. Степан Антонович поведал кстати, как сейчас устроено в Туркестане хлопковое дело.

Когда русские покорили край, производство хлопка пришло в упадок. Это было связано с отменой налога харадж, часть которого население платило хлопком. Одновременно снизился его ввоз из Америки, из-за гражданской войны. Дошло до того, что хлопка стало недоставать даже военным на производство пороха! Правительство приняло меры. В частности, начали повышать пошлину на ввоз очищенного волокна. В 1878 году за пуд взимали 40 копеек, а в этом году довели пошлину до 3 рублей 15 копеек. Фактически, запретительная пошлина! А все оттого, что со временем хлопок стал повсеместной культурой, и имеет место даже хлопковая горячка. Но и сейчас Туркестан дает лишь треть необходимого России хлопка. Приходится докупать его задорого в Америке. Там только один штат Луизиана производит больше волокна, чем весь край.

По словам Христославникова, лучший хлопок выращивают в Ферганской долине. Там не бывает летних дождей, которые ухудшают качество хлопка. И длинный вегетативный период, при температуре до 60 градусов по Реомюру! [11 - 48 градусов по Цельсию.] Волокно выходит длинное и тонкое. Центром торговли является Коканд. Но и во всем крае туземцы охотно осваивают эту культуру. Объяснение простое: выгодно. Русские мануфактуры купят все, сколько ни предложи. Из старых злаков обильно высевают только ячмень. Он не осыпается, его не едят воробьи, и потому лишь ячмень держится. Пшеницу армия не покупает, и ее посевы сокращаются. Рис хоть и дорог, но требует большого ухода. А залитые водой поля способствуют распространению малярии.

Хлопковую торговлю начинали русские купцы Беляев и Тарсин. Но пришли туземные евреи и быстро их вытеснили. Сейчас четыре брата Давыдовы сосредоточили в своих руках почти всю скупку. Братья – первостатейные мошенники, и конкурировать с ними сложно. Они в качестве задатка дают землевладельцам не деньги, а мануфактуру, чай и сахар. По сильно завышенным ценам. Недавно их уловки переняли богатые сарты Хакимбеков и Дададжанбаев и тоже славно обирают своих земляков. Чтобы перебить таких ловкачей, русским фирмам приходится держать в крае своих доверенных круглый год. Но с ноября по март с хлопком нет никаких дел. За это время наши люди спиваются и начинают воровать хозяйские деньги.

Московское товарищество, которое представляет Степан Антонович, придумало способ вырваться в первый ряд. Туземный хлопок – гуза – дает волокно низкого качества. Хоть его и можно выращивать на богарных землях [12 - Богарные земли – земли с достаточным естественным орошением.], в отличие

от заморских видов, но он создает большие неудобства. Коробочки у гузы до конца не раскрываются, и плохо отделяются орешки (семена хлопчатника). Приходится тратить много сил на ломку и очистку. Еще Кауфман, первый туркестанский генерал-губернатор, задумался над этим. Он отправил человека в Америку, чтобы тот привез оттуда высокопроизводительные сорта. Американский хлопок упланд теперь очень популярен. А товарищество Христовславникова второй год продвигает сорт си-айленд. И с успехом. Он называется еще египетским, но на самом деле тоже привезен из Америки. Его коробочки при созревании раскрываются на четыре створки, волокно удобно извлекать. И орешки легко отделяются, они потом идут на маслобойни и дают дополнительный доход. Только что появились два новых сорта – мамонт и петеркин. Они еще урожайнее. Но остается старая беда: отсутствие надежных людей. Христовславникову поручено найти порядочного урючника[13 - Урючник – русский житель Туркестана (самоназвание).], знающего край. Если он такого человека не отыщет, то будет зимовать в Ташкенте...

Полицмейстер на этот раз воздержался от совета.

– Все мои знакомые, – сказал он, – люди военные. Для торговых операций не годятся. Могу предложить, где снять на зиму квартиру получше, поскольку хороших гостиниц в городе нет. А вот порядочного урючника ищите сами...

За такими разговорами они ехали и ехали. После Бухары начались солончаки вперемежку с болотами. Потом состав почему-то стал двигаться большими зигзагами. Оказалось, он поднимается по отрогам Гиссарского горного хребта. Последняя перед Самаркандом станция Джума вся утопала в зелени. Густонаселенная местность предвещала приближение большого города. Всюду поля, расчерченные сеткой арыков. Участки огорожены низкими заборами из глины. Арбы, запряженные быками, везут какие-то диковинные фрукты. Азия, сказочная страна Гаруна аль-Рашида, готовилась распахнуть русским свои объятья.

За окном мелькнули крыши железнодорожных мастерских. Станция! 1415 верст рельсового пути позади! Паровоз дал гудок и стал замедлять ход.

Глава 2. От Самарканда до Ташкента

Не успели пассажиры выйти на дебаркадер, как к ним подошел поездной обер-кондуктор. Он вел за собой очкарика в фуражке почтово-телеграфного ведомства. Оказалось, капитана Скобеева третий день дожидается важная телеграмма.

Иван Осипович разорвал бланк, прочел текст и нахмурился. Но быстро овладел собой, убрал бумагу в карман и обратился к попутчикам:

– Господа! Неужели расстаемся? А давайте добираться до Ташкента той же компанией!

– Разумеется! – закричали торговые люди. – Вы уж нас, Иван Осипыч, не бросайте!

– Тогда поехали в Варшавские номера. Они почище других, и бани неподалеку. Заселимся, отмоемся, а за ужином и переговорим.

– О чем?

– О том, как дальше ехать. Со мною вы не пропадете, но кое-чем надо будет запастись.

– Иван Осипович, а неужели вы нам город не покажете? – влез с вопросом Лыков. – Говорят, что Самарканд самый красивый во всем крае!

– Да, это так, – подтвердил капитан. – Правда, я тут телеграмму получил, которая обязывает меня торопиться... Ну да ладно. Один день потратить можно.

Они сняли комнаты у бравого веселого пана, помылись в торговых банях и съели фляки. Потом разделились. Христославников отказался осматривать город. Таскать портфель ему не хотелось, а бросить деньги в номерах доверенный не решился. Он остался «в карауле», а лесопромышленники со Скобеевым отправились гулять.

Русская часть Самарканда состоит всего из двадцати пяти улиц. Чистый городок, всюду зелень, в арыках течет хрустальная горная вода – хоть сейчас пей. Но смотреть здесь нечего. Иван Осипович повел туристов на другую сторону

Абрамовского бульвара. Прямо за ним начинался туземный город. У Алексея разбежались глаза. Он попал в восточную сказку! Тут и там из глиняных построек лезли вверх весело раскрашенные высокие минареты. Шумел азиатский базар. С чего начать?

К русским сразу же подскочили несколько сартов с лукавыми физиономиями. Скобеев насмешливо спросил первого из них:

– Ну? Самого Верещагина водил?

– Водил, тюря[14 - Тюря - начальник.], водил. Откуда знаешь?

– И я, и я водил! – закричали двое других. – Возьми лучше меня, мне Верещагин рубль дарил!

Капитан, не обращая на крикунов никакого внимания, пояснил попутчикам:

– Это туземные чичероны. Они показывают русским город. И каждый утверждает, что лично водил по Самарканду Верещагина!

– Какого Верещагина? Художника?

– Точно так.

– Но этого не может быть, – возразил Алексей. – С тех пор столько лет прошло! Все они тогда еще под стол пешком ходили!

– Конечно, врут, – констатировал полицмейстер. – Живописец Верещагин был здесь в 1868 году, двадцать шесть лет назад. Это первое. А второе, ему в тот момент было не до развлечений. Самарканд осадили бухарцы, русский гарнизон едва не вырезали. За отличие при восьмидневной обороне города прапорщик Верещагин получил Георгиевский крест!

Тут голос капитана чуть дрогнул. Понятно – каждый военный человек мечтает о такой награде... Скобеев прогнал туземцев и повел гостей сам, рассказывая и показывая.

– Люблю Самарканд! Вот попадете в Ташкент и поймете меня. Столица края этому месту и в подметки не годится. В смысле исторических красот. И то сказать: во всей русской Азии нет ничего красивее! Ведь здесь бывшая столица Тамерлана, здесь его могила! Я хоть и обычный офицер, не сильно образованный, но не могу устоять.

– А сколько лет городу? – спросил Ян.

– Точно никто не знает. Доподлинно известно, что под именем Марканд он был столицей богатейшей страны Согдианы. В четвертом веке до нашей эры ее покорил Александр Македонский. В седьмом веке пришли арабы, в одиннадцатом – сельджуки. В 1221 году город взяли штурмом войска Чингизхана, а в 1369 Самарканд сделал своей столицей Тамерлан. Представляете, какая история! А, вот мы и подходим к Регистану...

Они вышли на огромную площадь, с трех сторон окруженную старинными живописными постройками. Оказалось, что это знаменитые в мусульманском мире медресе. Какая красота! Лыков был ошарашен. Он читал о великолепных мозаиках и глазурованных кирпичях Самарканда, видел фотографии. Но живьем, в цвете все это выглядело непередаваемо прекрасно. Каждая медресе имела собственную мечеть, и каждая отличалась от других. Тилля-Кари (Вызолоченная) – самая богатая, Шир-Дар (Обитель львов) – самая неуклюжая, а Улугбек – самая старая. Удивительные орнаменты куполов и минаретов, казалось, были выложены лишь вчера, так ярко и свежо играли их краски. Дивное зрелище! Негоцианты ходили, разинув рот. Закончив с Регистаном, Скобеев двинулся к Биби-Ханым, необыкновенно изящному храму. По приказу Тимура его построили индийские мастера, в память о любимой жене завоевателя. Далее туристы осмотрели мечеть Шах-Зинда, наиболее нарядную из всех. И уже на границе старого города капитан вывел туристов к Гур-Эмиру.

Мавзолей над прахом великого человека произвел на Алексея сильное впечатление. Будто энергия Железного Хромца витала под куполом! Перед самой могилой гостя пробрала нервная дрожь. Глыба черно-зеленого нефрита, самый большой монолит в мире, была расколота надвое и затем тщательно скреплена. Кто испортил надгробие, достоверно неизвестно. Грешат на многих, в том числе на персидского царя Надир-шаха, завидовавшего славе Тамерлана. Самой могилы не видно – она спрятана в подземелье. Нефрит украшен бунчуком и белым знаменем. Рядом еще восемь камней-надгробий – сына повелителя Шахруха, внука Улугбека, советников и какого-то святого. Возле могилы группа

правоверных вполголоса занималась каламом[15 - Калам – основанное на разуме толкование догматов ислама.]. Увидев русских, все замолчали. Но когда туземцы заметили, с каким уважением те относятся к памяти военачальника, то оттаяли. Старший из них лично отвел кяфиров[16 - Кяфир – неверный.] в подземелье, показал весь мавзолей и рассказал много интересного. А когда Лыков захотел вручить ему «синенькую», не взял, велел отдать нищим на площади.

Потрясенные, туристы выбрались наружу. Уже смеркалось. Желто-черные изразцы на куполе Гур-Эмира напоминали тигриную шкуру. На том же Абрамовском бульваре капитан поймал извозчика и отвез своих спутников в крепость. Там, в бывшем дворце правителя, обращенном теперь в артиллерийский склад, гости увидели невзрачный параллелепипед из темно-серого мрамора. Им пояснили, что это – уцелевший трон Тимура. На него поднимали всех новых эмиров в момент их восхождения на престол. На белой кошке, держа ее за углы... Теперь легендарный камень пылился без дела.

Переполненные увиденным, Алексей с Яном вернулись в Варшавские номера. Пора было ужинать. Забрав скучающего Христославникова, компания отправилась гулять по русскому Самарканду. Но идти было особо некуда. После дивных мозаик на что тут глядеть? В конце концов они ввалились в ресторан Общественного собрания. Лыков, морщась, прочитал надписи на плафоне. Экая глупость! «Кто буфет пройдет, тот удачи не найдет», «Почитая завет родной, не закусывайте, господа, по одной»... Пришлось напиться.

Утром Лыкова с Титусом разбудил энергический стук в дверь. Капитан Скобеев, веселый и свежесбритый, звал их на завтрак. Лыков был крепок на выпивку, а Ян вчера вовремя остановился, поэтому они оба выглядели молодцом. Степан Антонович чувствовал себя хуже всех: он охал, держался за голову и просил рассолу. Иван Осипович послал коридорного с запиской в крепость. И тот – о чудо! – не оплошал. Ради соотечественника в гарнизоне распатронили бочку квашеной капусты. Доверенный вернулся к жизни и даже сумел позавтракать.

За чаем полицмейстер сказал:

– Вот что, други мои! Выезжаем завтра поутру. Все необходимое в дорогу я запасу. Но вам придется купить в складчину тарантас. В Ташкенте я помогу его продать, не за полную цену, конечно... Но тарантас нужен, без него не доедем.

– А лошади?

– Лошадей дадут туземцы. Я на коронной службе, а вы со мной.

– Иван Осипович, – не удержался Титус. – А не будь вас, как бы мы добирались до Ташкента?

– Плохо было бы ваше дело! Почтовых трактов в крае всего два: Ташкент – Верный и Ташкент – Оренбург. Там и станции, и смена лошадей, и подорожные. А тут нет ничего!

– Пришлось бы нанимать обывательских?

– Легко сказать, да трудно сделать. Извозный промысел у туземцев отсутствует. Они, конечно, возят товары. Но на арбах. Вы готовы проехать на арбе четыреста верст?

– А как же наши купцы ездят?

– Так и мучаются. Собьют компанию, чтобы не страшно было. Покупают экипаж. И ползут долго-долго, от аула к аулу с большими перерывами. В каждом новом месте одно и то же: постоянного двора нет, буфета нет, лошадей нет.

– И что делать?

– Купцы идут к аксакалу, обещают большие деньги. Тот не торопясь ищет охотников заработать. День-два пройдет. Купцы спят в экипаже, едят барана, которого им продали втридорога, и ждут. Потом охотник провозит их тридцать верст до следующего аула, и все повторяется. А вы? Королями помчитесь! С ветерком то есть. Не везде на лошадях, правда, но зато ждать не придется.

– Как не везде на лошадях? – насторожился Христославников. – А на чем же еще?

– На верблюдах. Сарты обучают их мерной ходьбе со скоростью восемь верст в час. И запрягают вместо кобылок. Но хоть будет о чем в России рассказать!

– Иван Осипович, а что было в той телеграмме? – спросил Лыков. – Правитель канцелярии интересуется, нашелся ли асфальт? Вряд ли. Вы, как прочли, сразу нахмурились.

– Наблюдательны вы что-то для лесопромышленника, – ответил капитан. – Но вопрос верный. Мне поручено по пути в Ташкент провести одно дознание. В Джизакском уезде убит русский поселенец. Уже третий за полгода. Не было, не было, и вдруг прорвало...

– Третий подряд в одном уезде? – усомнился Алексей.

– Нет. Первых двух зарезали в Ташкентском. Искать сразу поручили мне, хотя по службе я не имею к уездной полиции никакого отношения. А теперь вот Джизак. Это вообще другая область! И опять Скобеев. Скоро за весь край стану отвечать, мать его ети! В капитанском-то чине...

– А вы нашли убийцу в первых двух случаях? – не унимался с расспросами Лыков.

– Нет. Пока нет. Трудное дело. Судя по всему, это барантачи[17 - Барантач – то же, что и басмач: разбойник, угонщик скота.]. Но почему они забрались к нам на север? Барантачество – большое зло Туркестана, справиться с ним власти пока не в силах. Разбойничают почти исключительно выходцы из двух бекств: Китабского и Шахрисябского. Их беки столетиями воевали с Бухарским эмиром, не желая ему подчиняться. Ну и привыкли вместо плуга добывать пропитание саблей... Так и держат в страхе весь юг. Но Ташкентский уезд, а теперь вот и Джизакский – это для них далековато. Надо разбираться; что-то здесь не так.

За столом повисла тревожная пауза, но Скобеев быстро повеселел.

– Ладно! Это моя морока, а не ваша. У вас, чай, своих забот хватает: лес продать, хлопок купить... Да? Но коли уж со мной едете, то придется на день-другой задержаться в Джизаке. Поучитесь у меня сыскному делу. Вдруг пригодится? Хе-хе... Согласны, господа купечество?

– Как не согласиться, – ответил за всех Христовославников. – Без вас и за месяц не доберемся.

- Иван Осипович, - вмешался Лыков. - Но мы же частные лица!

- Ну и что? Зато я на коронной службе. А вы со мной. Кто что скажет?

- То есть сарты будут нас возить и кормить на свой счет?

- Да. В Туркестане это называется «ехать с содействием». Лицам из военно-административного управления полагаются ночлег, лошади и питание в пути. Волостные старосты уж все знают, приучены. Вот увидите.

- Но... вас лично мы разве не обязаны вознаградить? За такое содействие.

Скобеев сделал строгое лицо:

- Я ведь уже говорил, что взятки не беру! Купите тарантас и провизию в дорогу, вот и квиты. Давайте двести рублей под отчет. А сами погуляйте, наберитесь сил. Дорога будет трудная.

- Иван Осипович, - вдруг вкрадчиво заговорил доверенный. - А правду я слышал, что в Самарканде есть публичный дом? Чуть не единственный на весь Туркестан.

- Правду. Называется он бай-кабак и находится в туземной части. Что, соскучились в пути?

- Без женщины мужчина, что без паров машина, - ответил Степан Антонович известной поговоркой.

- Ишь ты! Утром за голову держались, а после рассолу на баб потянуло? Сходите, раз невтерпеж. Все туристы Самарканда туда ломаются.

- Что, всего один бордель на весь край? - удивился Титус.

- Ну что вы, Яков Францевич. Только в Ташкенте их больше двадцати. Но туземный действительно один этот. Хозяин сарт, и женщины там сартянки. Для здешних обычаев дело почти что невозможное. Туземки, конечно, такие же бабы, как и все остальные. В физиологическом смысле. Есть и слабые на передок - где их нет? Но магометанский уклад жизни таков, что девушки

с детства отделены от мужчин. В двенадцать лет ее, бедную, уже выдают замуж.

– Да поди не первой женой! – вставил доверенный, но полицмейстер не поддержал.

– Действительно, мусульманину дозволяется иметь четырех жен, но так живут пятеро из ста – остальным не по карману. Только если жена не рожает или рожает одних девок, муж заводит себе вторую. Так вот. Выйдя замуж, женщина поселяется во внутренней части дома, называемой ичкари. Мужчины живут во внешней части, ташкари. Богатый сарт выстраивает особую комнату для гостей – мехмонхону. И в ичкари может войти только супруг. Даже отцу и брату не дозволяется переступить тот порог. Дети, родственницы и товарки – вот все ее общение. Изменить мужу практически невозможно. Но некоторые ухитряются.

– Как? – воскликнул Христославников; глаза его горели.

– Ну, к примеру, когда женщина идет в мечеть. Есть особая молитва, приносящая женщинам счастье, – аурат. Совершается она ранним утром, а зимой так затемно. Тут-то бабу в подворотне и поджидают ловеласы, и пытаются соблазнить.

– И что?

На доверенного стало неприятно смотреть: он чуть слюной не захлебывался.

– Изредка, мало кому, но удается, – спокойно ответил капитан. – А сейчас чаще, чем раньше. Сказать по правде, русское владычество не улучшило туземных нравов, а ухудшило. Сарты научились от нас пьянству и разврату. Так вот. Изменщицу очень быстро открывают, и тогда ей один путь – на панель. Развод в мусульманской семье совершается в секунду, достаточно мужу произнести ритуальную фразу. А еще есть вдовы и дочери байгушей – бедняков. Байгушам не до стыда, им есть нечего. Они продают своих дочерей каждому, готовому заплатить. Вот и весь кадр гулящих сартянок.

– Все равно единицы, – заметил Титус.

– Проституция всегда была и всегда будет, – авторитетно заявил полицмейстер. – Даже в таких закрытых обществах, как азиатские. Думаете, в Ташкенте при кокандском владычестве ее не было? Еще как! Публичные дома отсутствовали, это правда. А шлюхи были. Просто они обязывались сообщать полиции о тех, кто пользуется их услугами. А уж шавгарчи, туземные полицейские, потом доили дураков... С приходом же русских стало еще проще. И законы смягчились, и явились новые люди с новыми порядками. Что тут началось! Первыми дали жару солдатики. Знаете, есть среди них такие, которых, как говорится, вся рота хвалит. А потом пошло-поехало. Сначала промысел появился в банях. Но уже в 1867 году, через два года после покорения, в Ташкенте учредили первый публичный дом. Начальство понимало: столько военных, молодые-здоровые, надо предоставить им баб! Сразу эти веселые дома стали держаться вместе. Сначала на проспекте Обуха – это такой подполковник, убитый при первом неудачном штурме Ташкента. Потом их перевели за крепость. А теперь весь квартал расположился на двух улицах: Прачечной и Широкой. Больше двадцати домов терпимости! Половина женщин в них сартянки, половина – русские, есть немного татарок. Но это только зарегистрированные, которые подвергаются медицинскому осмотру. А еще есть секретки. Этим никто не считал. Когда они попадают при облаве, то местным выдают желтый билет, а приезжих высылают домой. На деле все служанки, горничные, кухарки в Ташкенте занимаются проституцией, но, так сказать, в роли любительниц. Кроме того, каждая пивная содержит собственный штат: двух-трех женщин самого низкого пошиба. Идешь утром на службу, а они выползают на порог в стельку пьяные и пытаются заманить прохожих. Бр-р!

Тут Скобеев погрозил пальцем доверенному:

– Смотрите же, Степан Антоныч! С такими не связывайтесь! Сразу дурную болезнь подцепите.

– Как есть соблюду! – пообещал тот и едва не перекрестился. И тут же вкрадчиво спросил: – Но мы идем в бай-кабак или нет? Господа, кто со мной?

Лесопромышленники отказались. Тогда доверенный кликнул прислугу и велел ей подогнать извозчика, чтобы прямо до места. И вскоре уехал. Портфель он оставил на попутчиков.

Иван Осипович вскоре тоже удалился по делам, и два приятеля отправились гулять по городу. Они зашли в крепость, которую вчера помешала увидеть

темнота. Это здесь во время осады Верещагин подсмотрел сюжеты для картин «Смертельно раненный» и «Пусть войдут»... Затем негоцианты отправились на базар. Лыков купил старинный медный кувшин, чуть не тысячелетний, и средневековый батик[18 - Батик – азиатское оружие в виде палки с зубчатым шаром на конце, аналог булавы.]. Сколько крови он помнит – страшно было представить... Еще взял очень красивый ковер. Но жара стала невыносимой, и лесопромышленники вернулись в номера.

Кое-как перекусив в буфете, приятели улеглись подремать. А что еще делать в такое пекло? Через час появился Скобеев, как всегда веселый и живой. Он забраковал и посуду, и батик, одоббив только ковер. Сказал, что кувшин с булавой сделаны на днях, на потребу туристам, и состарены искусственно. Туземцы на две недели погружают сфабрикованную вещь в жидкий навоз – после этого она для приезжего человека уже неотличима от средневековой.

Лыков сначала расстроился и сгоряча хотел выкинуть железяки на помойку. Но потом стало жалко потраченных сорока рублей. Он внимательно осмотрел покупки, даже обнюхал их. И решил оставить. Вон какая замечательная патина! Не может быть, что это от навоза. Иван Осипович ошибся. Он, в конце концов, полицмейстер, а не антиквар. А уж в Петербурге никто не усомнится в подлинности предметов.

К вечеру вернулся и Христовславников. Он был одновременно и доволен, и подавлен.

– Мне там предложили девочку пяти лет! Ужас... Как такое возможно?

– Обычное дело, – сказал из угла Скобеев. – А мальчиков не предлагали?

– Тоже. Они там прямо в буфете сидят. В шелковых халатах, надушены до омерзения... Лет четырнадцати, много если пятнадцати.

– Увы, – вздохнул капитан. – Содомия среди туземцев очень распространена. Мальчики для плотских утех называются бачи. А их любители – бачабазы. Бачи есть при каждой чайхане. Богатые сарты содержат личного бачу, а бедные одного в складчину. Родителям выплачивают содержание, те и рады... Эти ребята все будущие преступники. Самый поганый народ! С детства они развращены и приучены к легким деньгам. А когда взрослеют и уже не подходят

старым сладострастникам, то идут в воров. И даже в грабители. И пока молодые, из-за них властям одно беспокойство. Каждый год в Ташкенте происходят убийства на почве ревности – ревности к бачам.

– Гадость какая! А полиция? Куда она смотрит?

Иван Осипович принял это на свой счет и насупился:

– А что я могу сделать? Туземным нравам тысяча лет! Тут и скотоложство в большом ходу, чтоб вы знали! Вам в бай-кабаке могли и ослицу предложить. Незачем вообще было туда соваться! Вон, господа лесопромышленники не пошли и правильно сделали. А вы? Не могли еще недельку до Ташкента потерпеть?

В воздухе запахло ссорой, и Лыков примирительно сказал:

– Иван Осипович, коли уж зашла речь... Почему, действительно, полиция это терпит? Ведь, по Уложению, за содомию полагается три года тюрьмы.

Скобеев оживился:

– Вы, Алексей Николаевич, случайно не по Министерству внутренних дел служили? Законы знаете...

– Так, бумажки со стола на стол перекладывал. Но ответьте на вопрос.

– И отвечу! Да, в Российской империи мужеложство наказывалось тюрьмой. Но в Туркестанском крае, ввиду его особенностей, этот вопрос отдан на откуп народным судьям. А они сами все бачабазы! И приговаривают к мелким штрафам. Да и то лишь тех, кто попался русским властям. Остальных же не замечают.

– Ввиду особенностей?

– Да, представьте себе. Сарты живут так с сотворения мира! Доступ к женщинам затруднен, вот и...

– И ничего нельзя поделаться?

– Ничего, – с сожалением констатировал полицмейстер. – В 1890 году начальник Ташкента полковник Путинцев издал приказ: бачам запретили сидеть в чайханах. Ведь каждый самоварчи...

– Кто, простите? – ошалели купцы. – Самоварчи? Что это за зверь?

– Так называется держатель чайханы. Так вот, у каждого из них есть свои мальчики. Для приманивания клиентов – иначе никто не будет ходить. Они разносят чай и заодно оказывают те самые услуги. Отныне это запрещено. Но ведь бачи никуда не делись, оттого что выпустили приказ... Они просто прячутся теперь в задних комнатах. Говорю, это неискоренимо!

Спор прекратил посыльный. Он притащил две корзины: в них оказались чай, сахар, галеты, клюквенный экстракт Мартенса, яичный порошок, жестянки с сардинами. Отдельно посыльный выложил туго налитый чем-то бурдюк.

– Это водка, – пояснил полицмейстер. – Я велел закачать туда полведра. Надеюсь, хватит до Ташкента.

Оказалось, что отъезд Иван Осипович назначил через час, по вечернему холодку. Путешественники кинулись в буфет подъедать зразы. Потом неделю придется питаться на шаромыгу![19 - Питаться на шаромыгу – питаться за счет населения (воен.).] К концу ужина под окнами Варшавских номеров уже стоял тарантас. Крепкий и широкий, он легко вместил четырех пассажиров с вещами. Тройкой лошадей управлял туркмен разбойного вида.

В наступающих сумерках они выехали за город. Пересекли широкий овраг, по дну которого тек арык Сиаб, и выбрались на шоссе. Но не успел Лыков обрадоваться, как хорошая дорога кончилась, и началась непролазная грязь. Сильные лошади едва тянули экипаж, липкая жижа доставала до ступиц.

– Иван Осипович, куда же делось шоссе? – спросил Алексей. Капитан кивнул на видневшуюся слева насыпь:

– Тянут рельсы на Ташкент, вот и разбили дорогу подвозкой материалов. Ничего, стройка недалеко ушла от Самарканда. Скоро это безобразие кончится.

Но грязь все тянулась и тянулась. Уже ночью они выехали на твердое покрытие, а вскоре впереди показались огни.

– Подъезжаем к месту ночлега, – объяснил Скобеев.

Тарантас остановился возле костра. Его пламя освещало группу людей. Стоящий впереди седобородый мужчина приветствовал гостей. Уже через пять минут те сидели в доме аул-аксакала перед угощением – достарханом. Мехмонхона оказалась чистой и просторной. Во дворе жарили барана, в углу кипел самовар. Хорошо ездить «с содействием»...

Пужинав, путешественники быстро уснули. Только капитан о чем-то долго беседовал с хозяином. Утром он сказал своим попутчикам:

– Сегодня переправляемся через Зеравшан, много не ешьте.

– А что? – насторожились торговые люди.

– Сами увидите.

Выехали рано, чтобы побольше успеть до полуденного пекла. К одиннадцати часам впереди показалась серая полоса с блестками. Зеравшан разделялся на несколько протоков, главное русло было шириной не менее версты. На берегу русских пересадили в арбу и велели крепче держаться за веревки. Скобеев посоветовал не смотреть на воду. Он был очень серьезен, и купцы, глядя на него, тоже стали нервничать. Вещи сложили на дно арбы и привязали как следует. Возница разделся донага, сел на спину лошади и решительно повел ее в реку. Сзади другая арба тащила на веревке пустой тарантас, к которому были привязаны кони.

Едва повозка вошла в поток, как ее начало сильно раскачивать. Кобыла замотала головой и стала. Но, получив сильный удар палкой, нехотя двинулась вперед. По сторонам арбы закручивались бешеные водовороты, брызги мгновенно вымочили путников до нитки. Скоро вода достигла осей. Лыков знал, что

диаметр колес арбы составляет 2 аршина 14 вершков[20 - 204 см.]. Еще немного, и седоков затопит! Но вода перестала прибывать – Зеравшан оказался неглубок. Зато появилась другая опасность. Стремительное течение начало сносить повозку, лошадь не справлялась. Вот она отчаянно заржала, и дико, словно его режут, заорал возница. Арбу стало заваливать на бок. Сейчас река перевернет их, и конец! Из такой стремнины не выплыть! Христомславников принялся молиться, Титус – стаскивать сапоги. Но Лыков со Скобеевым навалились на борт и вновь поставили арбу на колеса. Кобыла, полузадушенная упряжью, хрипела и топталась на месте. В эту критическую минуту сарт опять сильно приложил ее по боку. Обезумевшее животное рвануло вперед – и выскочило на тихую воду. Через четверть часа арба стояла на правом берегу Зеравшана.

– Да... – выдохнул Алексей. Чуть не погибли! Или это только показалось ему по неопытности?

Но тут Иван Осипович объявил сиплым голосом:

– В конце мая тут перевернулись сразу две арбы. Потонуло восемь человек.

– Господа, – таким же сиплым голосом выговорил Степан Антонович, – где там наш бурдюк? Мне срочно требуется выпить!

Предложение пришлось по вкусу всем. Русские расположились на ковре, полицмейстер вынул дорожные оловянные стаканы. Возница, на что мусульманин, но тоже не отказался от порции. Полчаса они пили, выгоняя из себя смертный страх. Скобеев рассказывал:

– Сейчас только начало июня, снег в горах еще тает. А в мае месяце хоть дома сиди! Беда Туркестана – это отсутствие мостов. Их почитай что и нет. Остаются переправы. А как во время паводка реку перейти? Даже уткуль[21 - Уткуль – переправа для пешех.], где воды было по колено, делается глубоким. Туземцы придумали каючную переправу и самолетную. Каюк – это большая тяжелая барка с двумя веслами. А самолет – паром на канатах. И то и другое достаточно опасно. Так вот и ездим по этой Азии, прах ее раздери!

Когда путешествие продолжилось, Иван Осипович огорошил своих попутчиков:

– Главный страх мы вытерпели, но это еще не все. Сейчас начнутся рукава. Так что водку экономьте, а то не хватит.

Действительно, они еще пять раз переправились через одну и ту же реку. Вот наваждение! Зеравшан снова и снова норовил их потопить. Тарантас зачерпнул воды, а из арбы смыло за борт корзину с сахаром и чаем. Придется теперь пить вприглядку... После реки пошли бесчисленные арыки, но их уже пересекали без опаски.

Ночевали путники на волостной квартире. Это жилище специально заведено для проезжающих лиц из военной администрации. Писарь из русских суетился, норовил расколоть гостей на выпивку. Капитан прикрикнул на него, и тот нехотя удалился. Иван Осипович вздохнул.

– Беда наша в Туркестане, кроме мостов, еще и кадры. Мосты мы построим, а вот людей где взять? Видали этого, с красным носом?

– Видали, и что? Такие по всей Руси...

– Там ему хоть есть замена! А здесь? В каждой волости нужен писарь, знающий русскую грамоту. Туземцев образованных столько нет. И долго еще не будет. Приходится брать пьяницу, выгнанного, например, с телеграфа. Зато умеющего писать! И он, дрянь, пустое место, делается в волости фигурой! Без него нельзя ни бумаги прочесть, ни бумаги сочинить. Бедные туземцы вынуждены его кормить и терпеть...

Минг-баши[22 - Минг-баши – волостной управитель.] выставил достархан втрое больше, чем у аульного старшины. Были даже конфеты местной фабрикации. Лыков хотел их испробовать, но капитан вовремя предупредил, что сласти сделаны из курдючного сала. Ночью выяснилось, что в помещении живут и «легкая кавалерия», и «пехота»[23 - «Легкая кавалерия» – блохи, «пехота» – вши (нар.)]. К утру спать стало совсем невозможно. Бранясь и почесываясь, путники снова тронулись в путь.

Дорога на Ташкент оказалась очень оживленной. То и дело тарантас обгонял караваны верблюдов и одиночные арбы. Шоссе пролегало по узкой каменной насыпи, обсаженной тополями. Приходилось осторожно разъезжаться со встречными повозками. Слева мелькнуло русское военное укрепление

Каменный Мост. За арыком Булундур начался подъем. Он был недлинным, и сильные лошади взяли его без роздыха. Открылся вид на живописные заснеженные горы. Хребет служил водоразделом между двумя реками: Зеравшаном и Сангаром. Путники спустились в ущелье Елань-Уте и вдоль русла Сангара двинулись на северо-восток. Лыков словно перенесся на любимый Кавказ. Отвесные скалы давили с двух сторон, солнце пропало. Шумный стремительный поток почти не оставлял места для дороги. Иногда он распадался на рукава, и приходилось преодолевать их вброд, черепашьям шагом. Тарантас прыгал на камнях, вытрясая душу из пассажиров. От рева воды хотелось заткнуть уши.

Двадцать верст они ехали пять часов. Вдруг за поворотом открылся необычайно живописный вид. Ущелье сначала расширилось, а потом снова сомкнулось, образовав узкий проход. Между Сангаром и левым утесом с трудом примостилась дорога. Часть скалы была стесана, и виднелись две какие-то надписи. А в подошве правого утеса чернела узкая расщелина.

– Тамерлановы Ворота! – торжественно объявил Скобеев. – Сколько тут ни проезжал, а всегда волнуюсь... Особенное место!

Алексей читал об этом особенном месте и мечтал его увидеть. Единственный путь в горах! Узкий проход между двумя горными хребтами – Нуратау и Мальгузаром. Ширина – всего семнадцать сажень! Пятьсот лет назад здесь прошло двухсоттысячное войско Тамерлана. По преданию, горы расступились, чтобы пропустить великого завоевателя. Вот она, ожившая история...

– Иван Осипович, а что за пещера справа?

– Будто бы в ней останавливался Тимур.

– Давайте заглянем!

– Не стоит того. Я в ней был. Ничего интересного.

– А что за надписи на левой скале? О чем они?

– Шут разберет, там на арабском. Мне переводил однажды Генерального штаба подполковник Веревкин. Что-то про древние сражения... Погибло тридцать тысяч человек... Не помню точно.

– Это тоже сделано по приказу Тамерлана?

– Нет, надписи поздние. Но тоже старинные! Одна нанесена внуком Тамерлана Улугбеком. Помните его могилу в Гур-Эмире? Ну, поехали дальше, господа. До Джизака осталось всего пятнадцать верст. Надоело уже трястись...

Последний отрезок пути они преодолели благополучно. Снеговые горы отступили, их сменили вершины пониже, все в веселой зелени. Джизак, как и полагается в Туркестане, состоял из двух частей: русской и туземной. Их разделяло четыре версты голого пространства. Русская часть, очень небольшая, походила на любой наш уездный городок. Рубленые избы, каменные присутственные места, низенький храм. Посреди пыльной площади стоял единственный фонарь. Скобеев сразу же отправился к начальнику уезда подполковнику Барчу, своему приятелю. Впрочем, у бывалого туркестанца приятели находились везде! Негоцианты разместились на постоялом дворе. Без капитана они решили не обедать и просто валялись на постелях. После тряски в ущелье кости у всех ломило, и хотелось покоя.

Иван Осипович пришел через час, озабоченный, но бодрый.

– Ну что, господа сыщики! Поехали производить дознание!

– А обедать? – запротестовали торговые люди. – С утра вон не евши!

– Эх, штафирки, – притворно вздохнул капитан. – Не могут без того, чтобы брюхо не набить. Ладно. Кушаем, но быстро. Мне надо четырнадцатого июня кровь из носу быть в Ташкенте.

Хозяин, плечистый строгий молоканин, предложил гостям все того же поднадоевшего барана. А к чаю подал незнакомый сахар: в маленьких головках размером с кулак. Полицмейстер пояснил, что это персидский. Туземцы во всем Туркестане предпочитают именно его, поэтому большие русские головы здесь не в ходу. Лыков погрыз – хуже нашего! Иван Осипович отрезал:

– Привыкайте, как я привык. Нужно было корзинку крепче привязывать!

Поели, и Алексей полюбопытствовал:

– А для чего вам надо в Ташкент именно к четырнадцатому июня?

– Для того, что пятнадцатого там празднуют годовщину взятия города русскими войсками. Будет крестный ход в присутствии самого генерал-губернатора. Колонна шествует к братской могиле через весь город. Заходит и в туземную часть. Мало ли что! Я должен быть на месте.

– А успеете? Сегодня уже девятое.

– Если кота не тянуть, то успею. Господа, поторопимся!

Христовславников опять остался в комнате. Скобеев с двумя лесопромышленниками сели в дрожки и двинулись прочь из города. Иван Осипович тут же стал рассказывать:

– Убитого звать Филистер Тупасов. Крестьянин-переселенец, проживал в поселке Новониколаевка. По характеру беспокойный, из тех, кто ищет «зеленый клин»...

– Какой клин? – не понял Титус.

– Есть такое течение среди крестьянства, – ответил за капитана Лыков. – Оно вроде бы как религиозно-мистическое: люди отыскивают волшебную страну Беловодье, где словно в раю. Но подлинных искателей единицы, а большинство бездельники. Работать не хотят, вот и бегают с места на место.

– Тупасов такой и был, – продолжил полицмейстер. – Приехал из Каргопольского уезда. Дали ему землю в поселке Богородицкий, что в Ташкентском уезде. Вишь, не понравилось! Перебрался сюда. Здесь даже запашки не сделал, ходил по начальству и канючил. Вздорный мужик! Непонятно, кому его глупая жизнь понадобилась. Но теперь придется разбираться. Нельзя в Туркестане оставлять убийство русского безнаказанным.

– А если убийцу найти не получится? – спросил Ян. – Кого тогда накажут?

Скобеев вздохнул:

- Лучший сыщик Ташкента должен схватить злодея. На кону моя репутация. А за преступление в любом случае ответит общество.

- Сельское общество? То есть жители того аула, на землях которого найдено тело?

- Точно так.

- Но если жители ни при чем?

- Ответят все равно. Потому как убийца или кто-то из них, или пришлый, за которым они недоглядели. А обязаны были доглядеть.

- Не могут же туземцы шпионить за каждым, кто просто идет через их землю? Им работать надо!

- Не могут, но должны. Другого способа следить за порядком у русской власти нет. А туземцы, уж можете мне поверить, всегда все знают. Никто от их надзора не укроется. За всеми чужаками бдительно подглядывают. Только нам ничего не сообщают. Я вот сейчас припугну аульного старшину, может, что-то и выясним...

- А какое наказание должно понести общество?

- Это разработано еще при Кауфмане, - пояснил капитан, словно оправдываясь. - За убийство русского у общества отбирают две тысячи десятин амляковых земель.

- Амляковых?

- Да. Это земли, которые издавна находились у оседлого туземного населения в потомственном владении. Шесть лет назад они указом государя были переданы туземцам в собственность. Безвозмездно.

– Так. Землю у общества отберут, и что дальше? – спросил Алексей.

– Да я толком не знаю, – пожал плечами Иван Осипович. – Она отбирается не абы куда, а в пользу русского населения. Но какой там порядок, бог ведает... С землей у нас в Туркестане творятся всякие чудеса. После воды она тут главное богатство. И потихоньку становится дорогим товаром. В Ташкенте и вокруг него каждый квадратный вершок кому-то уже принадлежит.

– Кому-то из туземцев?

– Именно! Когда в 1865 году русская армия взяла город, то земли на правом берегу канала Анхор сразу отобрали в казну. Там стояла кокандская Урда, то есть крепость. Ее снесли, выстроили рядом свою. А другие участки нарезали на ломти и продавали всем желающим. Нужно было привлечь в город русское население. И землю давали за гроши, лишь бы человек согласился здесь поселиться. Так до арыка Чаули все размежевали. Но теперь русскому Ташкенту в этих рамках тесно. Надо расширяться, а некуда! Город окружен плодородным поясом, который издавна поделен между сартами. Землю приходится выкупать, причем задорого! Кто-то на этом сильно наживает. Почему сразу не конфисковали с запасом? Дальше еще хуже. Как я уже сказал, в восемьдесят восьмом амляковые земли презентовали: оседлым племенам – в собственность, а кочевым – в бессрочное пользование. А себе-то, себе опять ничего не оставили! Как вести колонизацию края? Куда сажать переселенцев? Стали возвращать только что отданное задарма обратно в казну. Но уже за деньги, разумеется. А люди все едут! После голода 1891 года из Центральной России хлынул поток. Сразу семнадцать новых деревень учредили за один только этот год. Так и кувыркаемся, а земля все дорожает. Вот и отберут у аула. Канцелярия генерал-губернатора такой возможности не упустит.

Лыков неодобрительно покачал головой, но спорить не стал.

Дрожки объехали Джизак и двинулись на север.

– Большой город, – констатировал Ян. – А что на другой стороне такое высокое?

– Кала, туземная крепость. При штурме она нам дорого встала... Джизак имеет очень важное стратегическое значение. Он лежит на пересечении сразу нескольких старинных трактов. И запирает путь через Тамерлановы Ворота,

а значит, и путь на Бухару. Русский Джизак – это бывшее военное укрепление Ключевое. И действительно, здесь ключи от половины Туркестана. Сама местность нездоровая, хотя близко горы. Жители и гарнизон болеют изнурительными лихорадками. Детская смертность очень высокая. У подполковника Барча вон двое сыновей умерли...

Капитан отвернулся, нервно перебирая скулами. Вспомнил своих дочек, по которым очень скучал и чьи фотокарточки показывал спутникам, догадался Алексей.

– Куда мы едем? – сменил он тему разговора.

– Сначала в деревню Новониколаевку, осматривать избу покойника. Вдруг что найдем? Затем в аул, на место преступления.

– А где тело?

– Тело уже в земле. Жарко же...

– Как и где убили Тупасова?

– В степи, на выпасах аула Кок-Узек. Выстрелили в сердце.

– Оружие установили? С какого расстояния был произведен выстрел? Кто обнаружил труп?

Скобеев усмехнулся:

– Вы, Алексей Николаич, прямо как заправский сыщик спрашиваете! Оружие – винтовка. Стреляли издалека, одежда не опалена. А кто нашел труп, нам не скажут. Мы будем иметь дело с аул-аксакалом, и только с ним.

Дрожки ехали по цветущей плодородной равнине больше часа. Арыки рассекали ее на прямоугольники, огороженные дувалами[24 - Дувал – глинобитный забор.]. На полях копошились люди, что-то вывозили, что-то сажали...

– Неужели они собирают урожай? – поразился Титус. – Ведь только начало июня!

– Это же Туркестан! Пшеница уже вызрела. Ее как раз и убирают, а заместят рисом.

– Почему не хлопком?

– Самаркандская область менее других тронута хлопковой горячкой. Но ничего, дайте только время! Такие, как Христославников, и досюда доберутся!

Наконец появилась чисто русская деревня из полсотни изб. Резные наличники, герань на окнах, в пыли гуляют куры-пеструшки. Только вдоль дороги течет арык, а из него пьет воду верблюды... Расторопный староста отвел начальство в дом Тупасова. Такого неухоженного жилища Лыков не видел со времен Сахалина. Там вышедшие с каторги на поселение строили себе избы «для правов». Наличие дома – обязательное условие, чтобы через десять лет получить возможность уехать на материк. Так и жили десять лет в собачьей конуре... Искатель «зеленого клина» тоже не утруждал себя домоводством. Грязь и запустение. К своему удивлению, Алексей увидел на стене игольчатую винтовку Карле.

– Зачем она здесь? – спросил он у полицмейстера.

– Согласно правилам, каждый русский поселенец обязан иметь дома ружье.

– Для самообороны?

– Для чего же еще? Туземцы нас не жалуют. Случаются и нападения, и убийства.

– Но Карле такая неудобная! И в обращении, и вообще...

– Карле неудобная? – обиделся капитан. – Это чем же, позвольте вас спросить? Мы с ней весь Туркестан покорили!

– Когда делаешь прием «к ноге!», она иногда самопроизвольно выстреливает. И бумажные патроны теперь не найти.

Полицмейстер осмотрел Лыкова с головы до ног, будто впервые увидел, и сказал:

– Алексей Николаевич, я ведь давно за вами наблюдаю! Кто вы?
На лесопромышленника не похожи. И вопросы всё такие задаете...

– Просто я в молодости воевал с турками, и у нас линейные батальоны были вооружены этими винтовками.

Скобеев успокоился и довольно умело обыскал избу. Как и ожидалось, ничего интересного при этом он не обнаружил. И тройца поехала в злосчастный аул.

Общество Кок-Узек Джизакского уезда Багданского участка Фисталитаусской волости насчитывало больше тысячи домов. Аул-аксакал, встретивший русских, напоминал барантача на пенсии. Со лба на щеку у него спускался след сабельного удара, а на правой руке недоставало двух пальцев. Староста отвел капитана в сторону и что-то ему сказал. Иван Осипович встрепенулся, как строевой конь при сигнале «поход».

– Господа! Здешние джигиты отыскиали, где прячется убийца. – сообщил он спутникам. – Я же говорил, что местные все знают! Головорез скрывается в курганче возле пересохшего арыка. Курганча – это вроде нашего выселка или хутора. Двадцать верст отсюда. Поехали!

– Почему не вызвать солдат? – осторожно спросил Лыков.

Полицмейстер довольно ухмыльнулся:

– Вот теперь я верю, что вы лесопромышленник! Испугались? Ничего, посидите в дрожках, пока я его возьму. Нет времени вызывать солдат!

Аксакал выделил русским верхового показывать дорогу. Иван Осипович велел кучеру поднажать. Джигит вел дрожки по дну высохшего канала, чтобы подкрасться незамеченными. Через полтора часа он спешился и указал капитану вверх.

– Прибыли! – объявил тот спутникам. – Вы подождите, я быстро. Безбородько, за мной!

Но Лыков остановил кучера, взявшего уже винтовку.

– Мы пойдем с вами, Иван Осипович, – сказал он буднично.

Скобеев тут же согласился:

– Ну, если вы были на войне, тогда ладно... Только держитесь позади и ни во что не вмешивайтесь.

Втроем они выбрались из глубокого арыка и вдруг оказались под самыми стенами курганчи. Селение выглядело как маленькая крепость. Сбоку на привязи стояла оседланная лошадь. Глаза капитана сверкнули, он вынул из кобуры «смит-вессон» и махнул купцам рукой: мол, уходите. Титус покосился на приятеля. Лыков кивнул. Ян повел рукой по бедру, и в руке у него тоже оказался револьвер.

Отставной надворный советник шагнул вперед, оттирая остальных. Он сложил ладони рупором и крикнул:

– Отделение! Курки на второй взвод!

И тут же бросился к лошади, вынимая на бегу «веблей». Титус мчался следом. Ошарашенный полицмейстер едва поспевал за ними.

Из-за угла появился туземец в драном халате с берданой в руках. Увидев русских, он вскинул оружие, но больше ничего сделать не успел. Лыков выстрелил не целясь. У разбойника подломилась нога, и он упал на камни. Пока вставал, Алексей уже подлетел к нему и сильно приложил кулаком чуть ниже папахи. Все было кончено. Через минуту барантач сидел на земле, связанный и обезоруженный, а Титус бинтовал ему простреленную ляжку. Раненый только хлопал глазами. Капитан Скобеев в позе стороннего наблюдателя топтался рядом.

– Да... – пробормотал он, убирая ненужный револьвер в кобуру.

– Иван Осипович, – обратился к нему Алексей. – Надо ковать железо, пока горячо. Спросите, по чьему приказу он убил поселенца.

– И то правда, – согласился полицмейстер. Он склонился над пленным и заговорил с ним на туземном наречии. В ответ тот злобно зашипел. Капитан настаивал и явно угрожал. Барантач же бранился и брызгал слюной.

– Не хочет отвечать? – понял Лыков. – Ничего. Сейчас захочет.

Он порылся в трофейном хурджуме[25 - Хурджум – ковровые переметные сумы.] и извлек оттуда фуражный аркан. Привязал один его конец к воротам, а из второго соорудил петлю-удавку. Скобеев и Титус смотрели на его манипуляции с недоумением, а разбойник – с нарастающим беспокойством.

Когда виселица была готова, Лыков за шкуру поднял пленного, поставил под воротами и надел ему на шею петлю. Тот сразу побелел, как полотно.

– Что вы задумали, Алексей Николаевич?! – закричал капитан. – Даже у меня нет таких прав, а вы вообще частное лицо! Я не могу допустить беззакония!

Бывший сыщик подмигнул ему так, чтобы не увидел туземец, и приказал:

– Переведите, что за убийство русского он приговаривается к смерти. Прямо сейчас. Если назовет мне сообщников, я, так и быть, его расстреляю. А если смолчит, то повешу! А рожу сажей исчерню!

Скобеев, надо отдать ему должное, мгновенно сообразил. С суровым лицом он сообщил пленному его участь, указывая пальцем на палача. Тот затрясся и попытался выбраться из петли. Лыков соорудил страшную физиономию, натянул удавку и рявкнул:

– Ну?!

Капитан подыграл ему:

– Снова нет? Вздернуть сукина сына!

И туземец сразу заговорил, облизывая губы и жалобно скуля. Выслушав его, Иван Осипович как бы нехотя стал разматывать веревку. Затем сообщил спутникам:

– А ведь получилось! В Джизаке проживает некий Юлчи-куса. Он-то и велел этому горлорезу убить русского поселенца.

Некоторое время все молчали, потом Скобеев спросил:

– Алексей Николаевич, но почему он сознался?

– Эх, Иван Осипович. Сколько «языков» я разговорил так на Кавказе... Темные мусульмане боятся виселицы больше всего. Есть поверье, что при такой смерти душа правоверного уходит из тела через ноги. И попадает в ад. Если же человека застрелили, душа покидает оболочку через голову и оказывается тогда в раю. Вот он и открылся, чтобы быть расстрелянным.

– Шестнадцать лет служу в Туркестане и впервые об этом слышу, – сознался капитан. – А зачем лицо ему сажей чернить?

– Как зачем? Непрощенные грешники предстанут перед высшим судом с черными лицами.

– Тоже не знал...

– Но мы получили результат. Поехали за этим... кусой.

Пленника положили в дрожки, в ноги пассажирам, и накрыли кошмой. Избежав, как он думал, ужасной смерти, барантач не издавал ни звука. Видимо, готовился к расстрелу...

Когда они приехали окольными путями в русский Джизак, Скобеев повел купцов к начальнику уезда. Тот думал недолго.

– Юлчи-куса – личность здесь известная, – сказал он. – Куса по-сартовски означает «плешивый, безволосый». У этого мерзавца даже борода не растет, что для магометанца большой позор. Юлчи – яр-мулла, то есть недоучка, человек,

чье образование внушает сомнения. Тем не менее в Джизаке он слывет за ученого. А человек вредный! Дервиши, что мутят тут воду, всегда у него останавливаются. И в Ташкент он часто ездит, будто бы к своему ишану[26 - Ишан – духовный наставник мусульманина.]. А зачем на самом деле, неизвестно.

- Как его лучше арестовать? – спросил Скобеев.

- Дома слишком опасно. Вдруг он успеет забежать в женскую половину? Туда уже не войдешь. А если войдешь, такое начнется! Весь город на дыбы встанет! Мне тут бунтов не нужно. Давай я вызову его сюда и здесь схвачу.

- В дом все равно надо идти, для обыска, – вставил Лыков.

- При бабах? – развернулся к нему подполковник. – Да они вам глаза выцарапают! Обыскать удастся лишь мужскую половину.

- Такой обыск не имеет смысла. Что если он спрятал улики в ичкари?

Начальник уезда повернулся к капитану:

- Иван, избавь меня от советов этой клеенки![27 - Клеенка – то же, что и штафирка, штатский.] Впервые в крае, а туда же...

- Подожди, Матвей. Лыков – личность особенная. Давай его выслушаем. Алексей Николаевич, как, по-вашему, нам обыскать обе половины дома?

- В Джизаке есть казий?[28 - Казий – судья религиозного суда, шариата.]

- Разумеется.

- Он для туземцев авторитет?

- Еще какой!

- Вот пусть казий и арестует Юлчи, прямо в его жилище. И передаст нам. Этот же казий должен сделать так, чтобы женщины Юлчи немедленно покинули

дом.

– Каким образом?

– Запросто. Пусть вызовет отца супружницы, и тот сам, в своей арбе перевезет дочь к себе. Со всеми другими бабами, какие окажутся в доме. Без вещей и долгих сборов. Всего на пару часов, пока делается обыск. Мы с Яковом Францевичем поможем вам искать.

– Это было бы кстати!

– После обыска женщины возвращаются на той же арбе.

Подполковник Барч задумался.

– А что? Казий – человек рассудительный. И очень держится за свое место.

– Вы объясните ему, – продолжил Алексей, – что убийство русского бросает тень на весь Джизак. И две тысячи десятин могут отрезать не у аула Кок-Узек, а у города. Если казий не будет нам содействовать.

Барч встал, одернул китель.

– Господин Лыков, прошу извинить меня за клеенку. Виноват!

– Да уж, – вставил Иван Осипович. – У него есть чему поучиться и нам, старым туркестанцам. Ты бы видел, как он в два счета разговорил того ярыжника!

Начальник уезда послал за казием. Пришел франтоватый сарт с хитрыми глазами. Он был в белой чалме из дорогой кисеи и халате из серебристого бикасаба[29 - Бикасаб – полушелковая туземная материя.], из-под которого выглядывал второй халат, шелковый. На ногах – кожаные ичиги с задниками из зеленой шагрени, а на пальце – перстень с бриллиантом. Поговорив с тюре́й десять минут, он вышел мрачнее тучи. Скобеев и лесопромышленники сидели в дрожках, ожидая, что будет дальше. Судья вскочил на жеребца дивных статей и поехал в туземный город. Рядом с ним бежал пеший конюх, а чуть сзади держались два помощника-мухтасиба. Иван Осипович приказал кучеру

следовать за кавалькадой, соблюдая дистанцию в десять саженей.

Они въехали в узкую улочку восточного города. Глинобитные заборы смыкались в сплошную стену, лишь кое-где разреженную пустырями. Ни одного деревца не росло там, зато попадались могилы. Прямо посреди жилых кварталов! Стены домов оказались без окон, но Лыкова не покидало ощущение, что за ними наблюдают десятки глаз. Встречные сарты косились на русских крайне неприязненно. Играющие тут и там худосочные дети были в сплошных болячках. Завидев мужчин, все девочки, даже трех-четырёх лет, быстро прятались во дворы.

- Когда им закрывают лицо? - спросил Алексей у полицмейстера.

- Как стукнет десять лет.

Казий ехал, словно на Голгофу... Он то и дело оборачивался на русских и желчно кривился. Встречные туземцы кланялись судье, он же едва им кивал. Иван Осипович обратил на это внимание своих спутников:

- Свод мусульманской морали запрещает желать должности казия. Такое искательство считается преступлением. А этот домогался у Барча целый год! Теперь посмотрите на него.

- И что не так?

- Важничает, сукин сын! Та же мораль обязывает старшего первым здороваться с младшим. А конного - с пешим. На практике, конечно, так делают не всегда, но сегодняшнее высокомерие - это уже слишком!

Через четверть часа они подъехали к дому Юлчи-кусы. Того выводили связанным на улицу. Туземец действительно оказался безбородым, как скопец. Ареста он не ожидал и был растерян. Мухтасибы погнали его куда-то прочь. Скобеев пояснил:

- Тут рядом мехкеме, канцелярия народного суда. В ней уже дожидается военный караул.

Русские сидели в дрожках и ждали. Вскоре показалась арба с пожилым туземцем в седле. Он окинул кяфиров злобным взглядом и прошел в дом. Через несколько минут старик вывел на улицу женщину и маленькую девочку, с ног до головы задрапированных в зеленые халаты с накидками. Усадил их в арбу, сам сел на лошадь и уехал. Тотчас же в воротах появился казий и махнул русским рукой.

Лыков впервые попал в жилище азиатца. Там было довольно чисто. Стены обмазаны алебастром, мебели нет почти никакой, если не считать сундуков. Посреди комнаты – жаровня, вокруг по полу – одеяла. В углу выложена печка для готовки, на ней стоит самовар польского серебра. Где тут может быть тайник? Скобеев с видом опытного сыщика первым делом приподнял джай-намаз, коврик для молитвы. Но ничего под ним не обнаружил... Тогда он взял со стола Хафтияк и Чоркитаб[30 - Хафтияк – книга с выдержками из Корана и основными молитвами; Чоркитаб – книга, излагающая основы исламского вероучения.], и принялся тщательно их пролистывать. Алексей почувствовал себя лишним. Но надо было что-то предпринять. Он наобум сунул руку в трубу самовара и вытащил оттуда... паспортную книжку. Открыл ее и прочитал вслух:

– «Филистер Богданов Тупасов, крестьянин Троицкого общества Баковской волости Каргопольского уезда».

Полицмейстер посмотрел на Лыкова с суеверным ужасом:

– Алексей Николаевич! Как вы это делаете?

Подбежал казий, осмотрел находку, заглянул в трубу самовара и зацокал языком. Участь Юлчи-кусы с этой минуты была решена...

Дальнейший обыск не дал ничего интересного. Обнаружили бумаги, но они были исписаны арабской вязью. Переписку конфисковали – в Ташкенте разберутся.

Вечером после трудного дня подполковник Барч устроил пир в честь ловких гостей, которые за один день раскрыли и убийцу, и его сообщника. Скобеев честно передал все лавры лесопромышленнику Лыкову. Барч спросил:

– Алексей Николаевич, а как вы догадались, что надо смотреть в самоваре? Я бы в жизни до этого не додумался!

– Понимаете, Матвей Егорович... На войне и потом, на Кавказе, – где лазутчики прячут секретные донесения? В стволе винтовки. Чтобы в случае чего – раз! – и нет донесения. Вот я и подумал про самовар. В нем удобно быстро сжечь бумагу.

– Эх, Алексей Николаич! Возвращались бы вы снова на коронную службу. Нужны такие люди, как вы, очень нужны. Хоть бы у нас в Туркестане. Дрянь же одна служит, воры да мздоимцы. Вон Иван Осипович взяток не берет и считается поэтому белой вороной.

Гвоздем вечера оказался улар – горная индейка. Эта редкая птица кормится почти исключительно одними орехами и потому очень вкусна. Существует поверье, что тот, кто ест улар, станет богатым. Скобеев истребил усиленную порцию, приговаривая: «Вы, негоцианты, уже при деньгах, а у меня двое детей на одно жалованье...»

Утром следующего дня полицмейстер вызвал Юлчи на допрос. Порасспрашивал без особого успеха и стал вносить беседу в акт дознания. Лыков не выдержал и сказал:

– Иван Осипович, что вы делаете?

– Опять не так?

– Протокол не записывается дословно. Он пересказывается в акте своими словами.

– Да кто вы такой, черт побери! – вскричал капитан. – Признавайтесь сейчас же! Бумажки он со стола на стол переключивал...

– Я бывший чиновник особых поручений Департамента полиции. А Яков Францевич – бывший начальник Нижегородской сыскной полиции.

Скобеев растерялся.

– Да вы... А я...

– Иван Осипович, давайте мы вам весь акт дознания напишем. Как полагается. Яша, бери перо. Вспомним молодость...

Лыков же настоял на очной ставке между арестованными. И она дала интересное открытие. Барантач подтвердил, что приказ убить переселенца он получил от Юлчи. Причем убить не где-нибудь, а именно на землях аула Кок-Узек! Это было непонятно и требовало объяснений. Однако плешивый негодяй отказался их дать. «Ну ничего, – сказал Иван Осипович, – в Ташкенте он запоет по-другому!»

Как только жара стала спадать, из Джизака выехали две повозки. В тарантасе тряслись прежние четверо путешественников. За ними следовала каретная фура, взятая из инженерного парка и запряженная тройкой. В ней под охраной двух солдат, скованные цепью, сидели пленные.

Хорошая шоссированная дорога вела теперь прямо в столицу края. До нее оставалось всего 185 верст. Последний рывок! Всюду радовали глаз богатые посадки и тучные стада скота, как вдруг все переменялось. После Уч-Тюбе словно злой колдун стер другие краски, оставив одну серую. Голодная степь! Угрюмая равнина без конца и края, без признаков жизни. Зеленая ранней весной, сейчас она сделалась выжженной пустыней, мертвым местом.

Вскоре пейзаж несколько повеселел. Дорогу с обеих сторон обступил густой кустарник. Низкие крепкие стволы, а сверху шарообразная крона. Сколько хватало глаз, всюду виднелись эти странные шары из узких бурых листьев.

– Как много топлива! – обратился Лыков к Ивану Осиповичу. – А вы говорите, один саксаул.

И потянулся за борт, чтобы сорвать ветку. Скобеев мгновенно перехватил его руку.

– Стойте! Это же ассафетида! Потом два месяца не отмоетесь! От нее просто жуткое зловоние!

Действительно, скоро все почувствовали отвратительный запах, от которого кружилась голова и подташнивало. Заросли вонючки тянулись сорок верст, и за все это время людям не попало ни птицы, ни змеи. Все живое обходило

стороной проклятый кустарник. Лишь под вечер снова началась голая степь, и люди облегченно вздохнули.

Заночевали у крохотного озерца, единственного за полдня пути. Солдаты раздобыли сушняка и вскипятили на чахлом костерке чайник воды для зеленого чая. Путники поужинали холодной бараниной, изрядно уже им надоевшей. Рядом пристроились два туземных каравана. Скобеев пояснил:

– В Голодной степи нет-нет да и пошаливают, вот они и жмутся к «белым рубахам».

И правда, ночью поднялся переполох. Какие-то всадники, не видимые в темноте, описывали круги, постепенно сжимая их. Но проснулся капитан, надел фуражку, взял у солдата винтовку и вышел на свет. И как бабахнул в небо! Тут же раздался удаляющийся топот копыт.

– Барантаци, – уверенно определил Иван Осипович. – Собирались напасть и порасчесать. А увидели офицера, сразу драпанули. Ведь где офицер, там и солдаты. Пошли искать добычу полегче.

Утром езда по безрадостной степи возобновилась.

– Жаль, не были вы здесь в апреле, – пробовал утешить попутчиков бывалый туркестанец. – Все в зелени, море дичи, всюду табуны и кибитки киргизов. А сколько черепах! Миллионы! Катишь, будто по бесконечной бахче, так они своими панцирями арбузы напоминают. Суп из них очень вкусный. Куда столько черепах деваается?

Наконец им встретился русский поселок. Баба в платке вынесла соотечественникам квасу и отказалась взять полтинник – согласилась лишь на двугривенный. А потом появились арыки и с ними – жизнь. Поля ячменя, кубанки и джугары[31 - Кубанка – сорт пшеницы; джугара – однолетний злак из рода сорго.] тянулись сплошной чередой.

Сыр-Дарья открылась вдруг. Она оказалась втрое уже Аму-Дарьи, и течение было не таким быстрым. Ниже впадения в нее Чирчика тоже строился железнодорожный мост. Здесь же была переправа. Опять путники пересели в арбу, а тарантас привязали сзади. Но все прошло легко и благополучно,

не пришлось даже волноваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Доверенный – ответственный представитель фирмы, уполномоченный подписывать контракты. (Здесь и далее – примеч. автора.)

2

Сарты – в императорской России: самоназвание оседлого населения Ташкентского, Ферганского и ряда других оазисов.

3

Станиоль – сплав олова со свинцом, раскатанный в тонкие листы наподобие фольги. Применялся для упаковки продуктов.

4

Адат – обычное право, то есть право по туземным обычаям. Применялось в инородческих окраинах империи среди местного населения.

5

Бий – судья по обычному праву.

6

Зембурек – туземное вьючное орудие.

7

Напльвы – кап, нарост на дереве, из которого делают красивые поделки и мебель.

8

Грены – яйца бабочки тутового шелкопряда.

9

Взятые с ветру – всякий сброд, случайные люди.

10

Мост через Аму-Дарью открыли в 1901 году.

11

48 градусов по Цельсию.

12

Богарные земли – земли с достаточным естественным орошением.

13

Урючник – русский житель Туркестана (самоназвание).

14

Тюря – начальник.

15

Калам – основанное на разуме толкование догматов ислама.

16

Кяфир – неверный.

17

Барантач – то же, что и басмач: разбойник, угонщик скота.

18

Батик – азиатское оружие в виде палки с зубчатым шаром на конце, аналог булавы.

19

Питаться на шаромыгу – питаться за счет населения (воен.).

20

204 см.

21

Уткуль – переправа для пеших.

22

Минг-баши – волостной управитель.

23

«Легкая кавалерия» – блохи, «пехота» – вши (нар.).

24

Дувал – глинобитный забор.

25

Хурджум – ковровые переметные сумы.

26

Ишан – духовный наставник мусульманина.

27

Клеенка – то же, что и штафирка, штатский.

28

Казий – судья религиозного суда, шариата.

29

Бикасаб – полушелковая туземная материя.

30

Хафтияк – книга с выдержками из Корана и основными молитвами; Чоркитаб – книга, излагающая основы исламского вероучения.

31

Кубанка – сорт пшеницы; джугара – однолетний злак из рода сорго.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/turkestan>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)